

БЕСТСЕЛЛЕР *NEW YORK TIMES*

ШКОЛА
ДОБРА *и* ЗЛА

ПРИНЦЕССА ИЛИ ВЕДЬМА

СОМАН ЧАЙНАНИ

Школа Добра и Зла

Соман Чайнани

**Школа Добра и Зла.
Принцесса или ведьма**

«ЭКСМО»

2013

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Чайнани С.

Школа Добра и Зла. Принцесса или ведьма / С. Чайнани —
«Эксмо», 2013 — (Школа Добра и Зла)

ISBN 978-5-04-091763-1

Городок Гавальдон замер в ожидании. Этой ночью сюда явится таинственный похититель, он выберет двух подростков и перенесёт их в школу Добра и Зла. Один из них будет красивым и добрым, а второй – неказистым и нелюдимым. А потом пропавшие дети обнаружатся... на страницах сказок. Звучит невероятно, но именно это происходит каждые четыре года вот уже двести лет. И прекрасная Софи твердо намерена стать одной из тех, кого сегодня похитят. Она считает себя настоящей принцессой и мечтает выйти замуж за сказочного принца. А вот её лучшая подруга, мрачная нелюдимая Агата, в волшебный мир совсем не рвётся. Но то, что скоро произойдёт, удивит и Софи, и Агату...

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-091763-1

© Чайнани С., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

1. Принцесса и ведьма	6
2. Искусство похищения	15
3. Большая ошибка	23
4. Три ведьмы из комнаты 66	34
5. Мальчики всё портят	44
6. Настоящая злодейка	53
7. Самая могущественная ведьма	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Соман Чайнани

Школа Добра и Зла. Принцесса или ведьма

*Две башни высоко уходят в небеса.
Вокруг – непроходимые леса,
Их покрывает платьем подвенечным
Тумана колдовского пелена.
Две башни, две сестры, что связаны навечно,
Как день и ночь, как осень и весна.
Одна приют для тех, кто чист душой,
Для чёрных сердцем – место во второй.
Бессмысленно задумывать побег,
Из этой школы не уйти вовек,
Тропа отсюда есть всего одна —
Тебя сквозь сказку поведёт она¹.*

The School for Good and Evil

Text copyright © 2013 by Soman Chainani

Illustrations copyright © 2013 by Iacopo Bruno.

Published with arrangement of HarperCollins Children's Books,
a division of HarperCollins Publishers

© Захаров А.В., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

¹ Перевёл К. И. Мольков.

1. Принцесса и ведьма

Софи всю жизнь ждала, чтобы её похитили. Но сегодня все дети в Гавальдоне ворочались в постелях. Если Директор школы заберёт их, они уже никогда не вернуться. Никогда не смогут жить полноценной жизнью. Никогда не увидятся с родными. Сегодня этим детям снился красноглазый монстр с телом, как у зверя, который вытащит их из постели и зажмёт рот, чтобы не кричали.

А Софи снились принцы.

Она прибыла на бал, устроенный в её честь в замке, и обнаружила, что в большом зале собралась целая сотня женихов, а вот девочек нет вообще. «Вот, наконец-то я вижу мальчиков, которые меня достойны», – подумала она. Густые, блестящие волосы, мышцы, заметные даже под рубашками, гладкая, загорелая кожа, и сами они красивые и внимательные, какими и должны быть принцы. Но в тот момент, когда Софи подошла к мальчику, который казался лучше всех прочих, с блестящими голубыми глазами и белыми, почти прозрачными волосами, – с ним-то уж точно можно будет жить долго и счастливо... огромный молот сокрушил стены зала и разнёс принцев на куски.

Софи открыла глаза и поняла, что уже утро, никаких принцев нет, а вот молоток вполне настоящий.

– Папа, если я сплю меньше девяти часов, у меня появляются мешки под глазами.

– Все болтают, что в этом году заберут именно тебя, – ответил отец, прибывая кривую доску на окно её спальни, уже совершенно исчезнувшее под замками, гвоздями и винтами. – Советую обрезать тебе волосы, измазать лицо – словно я должен верить во всю эту сказочную чушь. Но сегодня уж точно никто сюда не попадёт. Я уверен.

Сильный удар молотка послужил восклицательным знаком для его слов.

Софи потёрла уши и хмуро взглянула на когда-то красивое окно; сейчас казалось, что его сюда принесли из жилища ведьмы.

– Замки. Почему никто раньше об этом не подумал?

– Не знаю, почему. Все думают, что заберут тебя, – ответил он, вытирая пот с седых волос. – Но если этот Директор школы ищет кого-то очень доброго, то наверняка заберёт дочку Гунильды.

Софи напряглась.

– Белль?

– Она же идеальный ребёнок, – сказал он. – Готовит отцу обеды и носит их на мельницу.

А остатки отдаёт старой нищенке на площади.

Софи услышала обиду в голосе отца. Она никогда, ни разу не приготовила ему полноценного обеда – даже после того, как умерла мама. Конечно же, у неё были веские причины (масло и дым загрязняют поры), но она знала, что это для отца большая тема. Нет, это не значит, что её отец голодал. Напротив, она предлагала ему свои самые любимые блюда: свекольное пюре, суп из брокколи, варёную спаржу, шпинат на пару. Он не раздулся как воздушный шарик, в отличие от отца Белль, именно потому, что Софи не носила отцу на мельницу фрикасе из ягнёнка и сырное суфле. А что касается нищенки на площади – эта старая карга, которая каждый день жалуется, что ей нечего есть, *толстая*. И если с этим как-то связана Белль, значит, она вовсе не добрая, а самая настоящая злодейка.

Софи улыбнулась отцу.

– Как ты уже сказал, это всё чушь.

Она поднялась с постели и ушла в ванную, захлопнув за собой дверь.

Бесцеремонное пробуждение не прошло бесследно – она поняла это сразу, едва взглянув в зеркало. Её волосы, длиной до пояса и цвета чистого золота, не блестели, как обычно. Нефритово-зелёные глаза казались поблёкшими, а пухлые красные губки – слегка суховатыми. Даже кремово-персиковая кожа потускнела. «*Но я всё равно принцесса*», – подумала она. Отец не видел, что она особенная, а вот мама всё понимала. «Ты слишком красива для этого мира, Софи», – сказала она перед смертью. Мама ушла в лучший мир, а теперь лучшую жизнь найдёт для себя и Софи.

Сегодня ночью её заберут в лес. Сегодня ночью она заживёт по-новому. Сегодня ночью начнётся её сказка.

И выглядеть нужно соответствующим образом.

Для начала Софи втёрла в кожу рыбью икру; пахла она грязными ногами, но зато спасала от прыщей. Потом настал черёд тыквенного пюре, смывать которое надо обязательно козьим молоком, ну а после этого Софи наложила на лицо маску из дыни и желтка черепашьего яйца. Пока маска засыхала, Софи листала книжку с картинками и потягивала огуречный сок, чтобы её кожа оставалась мягкой и свежей. Она перешла сразу к любимому месту в сказке, где злую ведьму скатывают с холма в бочке, утыканной гвоздями, и от неё остаётся лишь браслет из костей маленьких мальчиков. Разглядывая ужасный браслет, Софи почему-то задумалась об огурцах. Что, если в лесу нет огурцов? Вдруг другие принцессы уже израсходовали все запасы? Как же жить без огурцов? Она иссохнет и увянет, она...

На страницу упали высохшие кусочки дыни. Софи повернулась к зеркалу и увидела, что лоб сморщился из-за беспокойства. Сначала поспать не дали, теперь морщины. Такими темпами она к полудню превратится в старую каргу. Она расслабила лицо и постаралась не думать об овощах.

Что же касается дальнейших процедур по обеспечению красоты, на их описание, наверное, понадобилась бы целая дюжина книжек с картинками (достаточно будет сказать, что Софи использовала гусиные перья, картошку, вымоченную в рассоле, лошадиные копыта, крем из кешью и флакончик коровьей крови). Через два часа тщательных прихорашиваний Софи вышла из дома в лёгком розовом платье, блестящих туфлях на стеклянных каблуках и с безупречно заплетённой косичкой. Оставался лишь один день до визита Директора школы, и каждая минута была важна, чтобы убедить его, что похитить нужно именно её, а не Белль, Табиту, Сабрину и прочих самозванок.

Лучшая подруга Софи жила на кладбище. Учитывая, насколько Софи ненавидела всё мрачное, серое и плохо освещённое, можно было бы предположить, что она пригласит подругу к себе домой, а то и просто найдёт новую. Но всю последнюю неделю она поднималась к домику на Кладбищенском холме, не забывая по дороге улыбаться, потому что в этом же и есть смысл добрых дел.

Чтобы добраться туда, Софи пришлось отойти на целую милю от ярких домиков у озера, с зелёными карнизами и блестящими на солнце башенками, к мрачной опушке леса. На деревенских улочках слышался стук молотков; отцы заколачивали досками двери, матери набивали соломой чучела, мальчики и девочки сидели на ступеньках перед домами, сторбившись и уткнувшись в книжки со сказками. Последнее как раз не удивляло, ибо дети в Гавальдоне почти ничем и не занимались, кроме чтения сказок. Но сегодня Софи увидела их дикие, лихорадочные взгляды – они внимательно перечитывали каждую строчку, словно от этого зависела их жизнь. Четыре года назад она тоже видела, как отчаянно другие пытаются избежать проклятья, но тогда её черёд ещё не настал. Директор школы забирал только тех, кому уже исполнилось двенадцать и кого уже никак не выдашь за маленького ребёнка.

Теперь пришла её очередь.

Поднимаясь по Кладбищенскому холму с корзинкой для пикника в руках, Софи почувствовала жжение в бёдрах от усталости. Интересно, от этих прогулок у неё ноги не расплнеют? У всех принцесс в сказках одинаковые идеальные пропорции; широкие бёдра встречались у них не чаще, чем кривые носы и большие ступни. Встревоженная этой мыслью, Софи попыталась отвлечься, припомнив добрые дела, которые совершила вчера. Сначала она накормила гусей у озера смесью чечевицы и лука-порея (это естественное слабительное, дабы у них не болели животы от сыра, которым их угостили глупые детишки). Потом она подарила сиротскому приюту самодельное средство для умывания на основе лимонной цедры (ибо, как она объяснила опешившему попечителю, «правильный уход за кожей – это самое важное дело»). Наконец, она повесила зеркало в церковном туалете, чтобы прихожане могли привести себя в порядок, прежде чем вернуться на скамьи и дальше слушать проповедь. Достаточно ли этого, чтобы конкурировать с теми, кто печёт домашние пирожки и кормит бездомных старух? Софи не без нервозности снова подумала об огурцах. Может быть, ей удастся тайком взять с собой небольшой запас. В конце концов, до вечера ещё немало времени, вещи она собрать успеет. Но огурцы же тяжёлые! Пришлёт ли школа посыльных? Может быть, стоит выжать сок из огурцов, и...

– Ты куда идёшь?

Софи обернулась и увидела светло-рыжего мальчишку Редли; тот улыбался, выставив торчащие зубы. Он жил далеко от Кладбищенского холма, но взял себе в привычку весь день таскаться за ней.

– В гости к подруге, – ответила Софи.

– Почему ты дружишь с ведьмой? – спросил Редли.

– Она не ведьма.

– У неё нет друзей, и она странная. Значит, она ведьма.

Софи едва сдержалась, чтобы не ответить, что Редли тогда тоже ведьма, но лишь улыбнулась, всем видом показывая, что терпеть его присутствие – уже огромное доброе дело.

– Директор школы заберёт её в школу Зла, – сказал он. – И тебе придётся подружиться с кем-нибудь ещё.

– Он забирает двоих, – сказала Софи, слегка сжав губы.

– Второй будет Белль. Нет никого добрее, чем Белль.

Улыбка Софи исчезла окончательно.

– Но я стану твоим новым другом, – продолжил Редли.

– У меня вполне достаточно друзей, – отрезала Софи.

Редли покраснел как рак.

– О, ладно... я просто подумал...

Он пустился наутёк, словно собака, которой отвесили хорошего пинка.

Софи провожала Редли взглядом, пока его растрёпанные волосы не исчезли вдали. «*Ну всё, ты всё испортила*», – подумала она. Несколько месяцев добрых дел и натянутых улыбок – и всё теперь пойдёт насмарку из-за этого дурачка Редли. Она же могла просто его порадовать. Сказать ему что-нибудь типа «Для меня будет большой честью, если ты со мной подружишься», чтобы он потом годами вспоминал этот момент? Она отлично понимала, что это было бы разумно, потому что Директор школы наверняка будет оценивать её так же строго, как Санта-Клаус – в ночь перед Новым годом. Но она просто не смогла этого сделать. Она красавица, а Редли далёк до сказочного принца. Только злодей решился бы обманывать его. Директор школы, конечно же, всё поймёт.

Софи открыла ржавые ворота кладбища, и сорняки тут же стали царапать её ноги. На вершине холма, среди дюн из высохших листьев, виднелись заплесневелые надгробные камни. Пробираясь между тёмными склепами и гниющими ветками, Софи внимательно считала ряды. Она ни разу не посмотрела на мамину могилу, даже в день похорон, и сегодня тоже не планировала. Проходя шестой ряд, она не сводила взгляд с плакучей берёзы и напоминала себе, где окажется всего через день.

Посреди самого плотного скопления склепов располагался дом с адресом Кладбищенский холм, 1. В отличие от домиков у озера, этот дом не был ни заколочен, ни заперт, но даже это не делало его более гостеприимным на вид. Ступеньки, которые вели к крыльцу, поросли зелёным мхом и плесенью. Мёртвые берёзовые ветки и виноградные лозы змеились по тёмному лесу, а чёрная крыша с крутым скатом высилась над домом, словно ведьмина шляпа.

Поднимаясь по скрипучим ступенькам, Софи пыталась не обращать внимания на запах чеснока и мокрой кошачьей шерсти и не смотреть на валявшиеся тут и там обезглавленные трупы птиц – несомненно, жертв вышеупомянутой кошки.

Она постучала в дверь, готовясь к ссоре.

– Уходи, – послышался грубый голос.

– Разве так разговаривают с лучшими подругами? – проворковала Софи.

– Ты не моя лучшая подруга.

– А кто тогда? – спросила Софи.

Неужели Белль как-то добралась до Кладбищенского холма?

– Не твоё дело.

Софи сделала глубокий вдох. Она не хотела, чтобы всё вышло так же, как с Редли.

– Мы так хорошо вчера провели время, Агата. Я подумала, можно будет повторить.

– Ты покрасила мои волосы в оранжевый.

– Но мы же всё исправили?

– Ты всегда испытываешь на мне свои кремы и тоники, чтобы узнать, как они работают.

– Разве друзья не для этого нужны? – спросила Софи. – Чтобы помогать друг другу?

– Я никогда не стану такой же красивой, как ты.

Софи попыталась придумать, что бы сказать приятного. Она думала слишком долго – послышались удаляющиеся шаги.

– Это не значит, что мы не можем быть друзьями! – воскликнула Софи.

Лысый, морщинистый кот, сидевший на другой стороне крыльца, недобро заурчал. Она снова бросилась к двери.

– Я принесла печенье!

Шаги смолкли.

– Нормальное или сама испекла?

Софи отшатнулась от кота, скользнувшего мимо неё.

– Пышное и маслянистое, как раз как ты любишь!

Кот зашипел.

– Агата,пусти меня...

– Ты скажешь, что от меня воняет.

– Ты не воняешь!

– Тогда почему ты в прошлый раз так сказала?

– Потому что вчера воняло! Агата, кот плюётся...

– Может быть, он унюхал тайные замыслы?

Кот выпустил когти.

– Агата,открой!

Кот прыгнул ей в лицо. Софи завизжала. Из-за двери протянулась рука и перехватила кота в полёте.

Софи подняла голову.

– Потрошитель уже всех птиц переловил, – сказала Агата.

Отвратительная копна чёрных волос Агаты выглядела так, словно её полили нефтью. Даже огромное чёрное платье, бесформенное, как мешок картошки, не могло скрыть жутковато-бледную кожу и торчащие кости. На впалом лице выделялись лишь глаза, выпуклые, как у божьей коровки.

– Я думала, мы погуляем, – сказала Софи.

Агата опёрлась на дверь.

– Я всё ещё не могу понять, почему ты со мной дружишь.

– Потому что ты милая и весёлая, – сказала Софи.

– А мама говорит, что я угрюмая и ворчливая, – сказала Агата. – И кто-то из вас врёт.

Она сунула руку в корзинку Софи и, приподняв салфетку, увидела сухое печенье из отрубей без единой капельки масла. Окинув Софи испепеляющим взглядом, Агата ушла обратно в дом.

– Значит, мы не погуляем? – спросила Софи.

Агата уже собиралась закрыть дверь, но увидела, как Софи сразу пала духом. Словно та ждала этой прогулки не меньше, чем сама Агата.

– Недолго. – Агата прошлёпала мимо неё. – Но если ты скажешь что-нибудь высокомерное, самодовольное или глупое, я прикажу Потрошителю, чтобы он проводил тебя до дома.

Софи побежала вслед за ней.

– Но тогда я вообще не смогу говорить!

Прошло четыре года с последнего визита Директора школы, и снова приближался ужасный одиннадцатый день одиннадцатого месяца. Площадь, освещённая вечерним солнцем, гудела, словно растревоженный улей – все готовились к прибытию Директора школы. Мужчины затачивали мечи, ставили ловушки и распределяли ночные патрули, а женщины выстроили детей шеренгой и принялись за работу. Красивым обрезали волосы, красили зубы в чёрный и рвали одежду в локуты; самых неказистых хорошенько отмывали, наряжали в яркую одежду, а на голову нахлобучивали вуали. Мама упрашивали самых воспитанных детей выругаться или толкнуть маленькую сестрёнку, самых невоспитанных подкупали, чтобы они пошли в церковь помолиться, а остальных заставили хором распевать гимн Гавальдона: «Благословенны заурядные».

Страх висел над улицами, словно заразный туман. В тусклом переулке мясник и кузнец обменивались книгами сказок, ища в них подсказки, как спасти своих сыновей. Под покосившейся часовой башней две сестры составляли список сказочных злодеев в поисках закономерностей. Несколько мальчишек приковались друг к другу цепями, стайка девочек спряталась на школьной крыше, а один ребёнок надел маску и выскочил из кустов, чтобы напугать маму,

за что удостоился трéпки прямо на месте. Даже бездомная старая нищенка присоединилась к суматохе: она скакала перед захудалым костерком, крича каркающим голосом: «Сожгите сказки! Сожгите их все!» Но никто её не слушал, и ни одной книги не бросили в огонь.

Агата недоверчиво таращилась на всё это.

– Как целый город может верить в сказки?

– Потому что они настоящие.

Агата остановилась.

– Ты же не веришь, что легенда правдива?

– Верю, конечно же, – сказала Софи.

– Что Директор школы похищает двух детей, забирает в школу, где один из них учится Добру, а другой Злу, а окончив учёбу, они идут работать в *сказки*?

– Да, примерно так.

– Скажи мне, как увидишь печь.

– Зачем?

– Хочу сунуть туда голову. А чему, скажи на милость, учат в этой школе?

– Ну, в школе Добра мальчиков и девочек вроде меня учат, как быть героями и принцессами, как справедливо править королевством и как жить долго и счастливо, – ответила Софи. – А в школе Зла учат быть злыми ведьмами и горбатыми троллями, накладывать проклятия и творить злые заклинания.

– Злые заклинания? – засмеялась Агата. – Кто это вообще придумал? Четырёхлетний ребёнок?

– Агата, доказательства – в сказках! Ты увидишь всех пропавших детей на картинках! Джек, Роуз, Рапунцель – они все попали в свои сказки...

– Я не *вижу* ничего, потому что не *читаю* дурацких сказок.

– А почему тогда у твоей кровати их целая стопка? – спросила Софи.

Агата нахмурилась.

– Слушай, кто вообще сказал, что эти книги настоящие? Может быть, это просто шутка книготорговцев. Может быть, старейшины придумали это, чтобы не пускать детей в лес. В общем, каким бы ни было объяснение, дело точно не в Директоре школы и злых заклинаниях.

– Так кто же похищает детей?

– Никто. Каждые четыре года очередные два дурака убегают в лес, чтобы напугать родителей, и теряются там, или их волки съедают, ну и на этом всё – так легенда живёт.

– Самое глупое объяснение из всех, что я слышала.

– Если тут кто и глупый, то не я, – сказала Агата.

От этих слов у Софи кровь закипела в жилах.

– Ты просто боишься, – ответила она.

– Ну да, ну да, – усмехнулась Агата. – И почему же я боюсь?

– Потому что знаешь, что тебя заберут вместе со мной.

Агата перестала смеяться. Потом посмотрела куда-то мимо Софи, на площадь. Жители деревни таращились на них, словно они – разгадка большой тайны. Добро в розовом, Зло в чёрном. Идеальная пара для Директора школы.

Всё ещё не в силах пошевелиться, Агата чувствовала на себе взгляды десятков перепуганных глаз. Сначала она подумала, что послезавтра наконец-то сможет гулять с Софи спокойно. Софи же смотрела, как дети запоминают её лицо на случай, если оно когда-нибудь появится в книге сказок. Первый вопрос, который пришёл ей в голову, – «а на Белль они так же смотрели?».

А потом Софи увидела её в толпе.

С бритой головой, в грязном платье, Белль стояла на коленях в грязи, лихорадочно пачкая лицо. Софи вздохнула с облегчением. Белль была такой же, как другие. Она, как и все, хотела

выйти замуж за мужчину, который станет жирным, ленивым и требовательным. Она хотела проводить дни за монотонной готовкой, уборкой и шитьём. Она хотела убирать лопатой навоз, доить овец и резать визжащих поросят. Она хотела загнивать в Гавальдоне до самой старости, когда её кожа пойдёт пятнами, а зубы выпадут. Директор школы ни за что не заберёт Белль, потому что Белль – не принцесса. Она... ничто.

Торжествующая Софи улыбнулась жалким деревенщинам, наслаждаясь их взглядами, точно своим отражением в зеркале.

– Пойдём, – сказала Агата.

Софи повернулась. Агата не сводила глаз с толпы.

– Куда?

– Подальше от людей.

Когда солнце превратилось в красный шар, две девочки – красивая и уродливая – сидели рядом на берегу озера. Софи складывала огурцы в шёлковый мешочек, а Агата бросала в воду зажжённые спички. После десятой спички Софи уставилась на неё.

– Я так расслабляюсь, – сказала Агата.

Софи попыталась запихнуть в мешочек последний огурец.

– Почему вообще девочка вроде Белль хочет остаться здесь? Кто предпочтёт *такую* жизнь сказке?

– А кто захочет расстаться с семьёй *навсегда*? – фыркнула Агата.

– Ну, кроме меня, – сказала Софи.

Они помолчали.

– Ты когда-нибудь думала, куда ушёл твой отец? – спросила Софи.

– Я же тебе говорила, он бросил маму, как только я родилась.

– Но куда ему идти? Мы же со всех сторон окружены лесом! Вот так внезапно исчезнуть... – Софи развернулась. – Может быть, он нашёл дорогу в сказку! Или волшебный портал! Вдруг он ждёт тебя на той стороне?

– А может быть, он вернулся к своей жене, притворился, что ничего обо мне не знает, и погиб через десять лет из-за несчастного случая на мельнице.

Софи закусила губу и вернулась к своим огурцам.

– Твоей мамы никогда не бывает дома, когда я прихожу.

– Она сейчас ходит в город, – сказала Агата. – К нам домой приходит слишком мало пациентов. Наверное, место не очень удачное.

– Да, наверное, – ответила Софи. Она отлично знала, что маме Агаты никто не доверит лечить даже сыпь от пелёнок, не то что настоящую болезнь. – Мне кажется, на кладбище люди чувствуют себя не то чтобы уютно.

– У кладбищ есть свои достоинства, – сказала Агата. – Нет ни любопытных соседей, ни бродячих торговцев. Ни всяких подозрительных «подруг», которые приносят маски для лица и диетическое печенье и говорят, что ты пойдёшь в школу Зла в Магической Волшебной Стране.

Она бросила в воду очередную спичку.

Софи отложила огурец.

– Значит, я подозрительная?

– Кто просил тебя приходить? Мне было хорошо и одной.

– Ты всегда меня впускаешь.

– Потому что ты всегда кажешься такой одинокой, – сказала Агата. – Мне тебя жаль.

– Жаль *меня*? – Глаза Софи блеснули. – Тебе повезло, что хоть кто-то приходит к тебе в гости, ведь все остальные не хотят. Тебе повезло, что кто-то вроде меня решил с тобой подружиться. Тебе повезло, что я такой *хороший человек*.

– Я знала! – вспыхнула Агата. – Я – твой Хороший Поступок! Просто пешка в твоих дурацких фантазиях!

Софи долго ничего не отвечала.

– Может быть, я действительно решила подружиться с тобой, чтобы произвести впечатление на Директора школы, – наконец призналась она. – Но сейчас всё по-другому.

– Потому что я тебя раскусила, – проворчала Агата.

– Потому что ты мне нравишься.

Агата повернулась к ней.

– Никто меня здесь не понимает, – сказала Софи, смотря на свои руки. – А ты – понимаешь. Ты видишь, кто я такая. Вот почему я возвращаюсь к тебе. Ты уже не просто мой хороший поступок, Агата. – Софи подняла глаза и посмотрела на неё. – Ты моя подруга.

Шея Агаты пошла красными пятнами.

– Что не так? – нахмурилась Софи.

Агата сжалась, словно пытаясь спрятаться в платье.

– Ну, просто, м-м-м... Я... я, э-э-э... не очень привыкла к друзьям.

Софи улыбнулась и взяла её за руку.

– Ну, теперь мы будем дружить в нашей новой школе.

Агата застонала и отдернула руку.

– Давай предположим, что я всё же опущусь на твой интеллектуальный уровень и приворюсь, что верю во всё это. Почему в школу злодеев пойду я? Почему все выбрали *меня* Повелительницей Зла?

– Никто не говорит, что ты злая, Агата, – вздохнула Софи. – Ты просто не такая, как все.

Агата нахмурилась.

– И *чем* же я не такая?

– Ну, для начала, ты носишь только чёрное.

– Потому что оно не пачкается.

– Ты никогда не выходишь из дома.

– Потому что там на меня не таращатся.

– На конкурсе «Придумай сказку» твоя история закончилась тем, что Белоснежку съели стервятники, а Золушка утонула в бадье.

– Я решила, что такая концовка будет лучше.

– Ты подарила мне дохлую лягушку на день рождения!

– Чтобы напомнить тебе, что мы все умираем и гниём под землёй, и нас там поедают черви, так что стоит наслаждаться днями рождения, пока мы ещё можем их отмечать. Я решила, что это глубокая мысль.

– Агата, ты оделась *невестой* на Хэллоуин.

– Свадьбы – страшная штука.

Софи уставилась на неё.

– Ладно. Допустим, я действительно не такая, как все, – блеснула глазами Агата. – Что из этого?

– Ну, просто в сказках тот, кто отличается от остальных, обычно оказывается... ну... *злым*, – поколебавшись, ответила Софи.

– То есть ты хочешь сказать, что из меня получится Великая Ведьма, – обиженно сказала Агата.

– Я говорю, что как бы всё ни пошло, у тебя будет выбор, – мягко ответила Софи. – Мы обе сможем выбрать, как закончатся наши сказки.

Агата какое-то время ничего не отвечала, потом коснулась руки Софи.

– Почему ты так хочешь уйти отсюда? Настолько, что веришь в сказки, хотя сама знаешь, что это всё неправда?

Софи посмотрела в большие, искренние глаза Агаты. Она впервые почувствовала укол сомнения.

– Потому что я не могу здесь жить, – дрожащим голосом сказала Софи. – Я не могу жить обычной жизнью.

– Забавно, – сказала Агата. – Именно поэтому ты мне нравишься.

Софи улыбнулась.

– Потому что ты тоже не можешь?

– Потому что рядом с тобой я чувствую себя обычной, – сказала Агата. – А именно этого мне всегда и хотелось.

В долине послышался высокий звон башенных часов; они пробили шесть или семь, сколько – девочки так и не поняли, потому что сбились со счёту. А когда эхо растворилось в шуме далёкой площади, и Софи, и Агата загадали желание: чтобы и на следующий день они остались вместе.

Что бы это ни означало.

2. Искусство похищения

К тому времени, как солнце зашло, детей уже заперли. Сквозь ставни они глядели на вооружённых факелами отцов, сестёр и бабушек, выстроившихся вдоль опушки тёмного леса; они словно говорили Директору школы: «Ну что, рискнёшь пройти через наше кольцо огня?»

Но пока дрожащие дети затягивали до упора последние винты на окнах, Софи занималась прямо противоположным. Она хотела, чтобы похищение прошло с как можно меньшими хлопотами. Забаррикадовавшись в комнате, она разложила перед собой шпильки, щипцы и пилки для ногтей и приступила к работе.

Похищения начались двести лет назад. В какие-то годы исчезали два мальчика, в какие-то – две девочки, иногда – мальчик и девочка. В возрастах тоже не было никакой системы: одному могло быть шестнадцать, другому – четырнадцать, или же исчезали двое двенадцатилетних. Но если поначалу похищения казались совершенно случайными, вскоре закономерность стала ясной. Один ребёнок всегда был красивым и добрым, из тех, о которых мечтали все родители. Другой же – неказистым и странным, изгоем с самого рождения. Две противоположности, которых похищали в юности и забирали неизвестно куда.

Конечно же, жители Гавальдона сначала обвинили во всём медведей. В Гавальдоне никто и никогда не видел медведей, но это лишь укрепило взрослых в желании найти хотя бы одного. Через четыре года, когда исчезли ещё двое детей, все решили, что нужно быть более конкретными, и обвинили во всем *чёрных* медведей, таких чёрных, что по ночам их вообще не видно. Но каждые четыре года дети продолжали исчезать, так что в Гавальдоне стали винить норных медведей, потом медведей-призраков, потом переодетых медведей... пока не стало ясно, что медведи всё-таки ни при чём.

Но пока жители деревни лихорадочно выдумывали новые теории (теорию Зияющего Провала, теорию Летающего Людоеда), дети в Гавальдоне заметили кое-что подозрительное. Когда они разглядывали десятки плакатов «Пропал ребёнок», развешенных по площади, лица исчезнувших мальчиков и девочек казались им на удивление знакомыми. А потом они открыли свои книги сказок и нашли похищенных там.

Джек, которого забрали сто лет назад, вообще не постарел. Вот он – с такими же взъерошенными волосами, розовыми ямочками на щеках и кривой улыбочкой, которую так обожали все девушки Гавальдона. Только теперь у него на заднем дворе рос бобовый стебель, и у него

была слабость к волшебным бобам. А Ангус, остроухий, веснушчатый хулиган, который пропал вместе с Джеком, превратился в остроухого, веснушчатого великана, сидевшего на верхушке бобового стебля. Мальчишки попали в сказку. Но когда дети изложили свою теорию Книги Сказок, взрослые ответили как типичные взрослые. Они потрепали детишек по головам и вернулись к зияющим провалам и летающим людоедам.

Но потом дети показали им новые знакомые лица. Милая Аня, которую забрали пятьдесят лет назад, сидела на освещённых луной камнях, став Русалочкой, а жестокая Эстра превратилась в коварную морскую ведьму. Филип, примерный сын священника, вырос и стал Храбрым портняжкой, а заносчивая Гула пугала детей в образе Лесной ведьмы. Десятки похищенных детей обрели новую жизнь в мире сказок. Один становился добрым, другой – злым.

Книги продавались в книжной лавке мистера Довиля, затхлом магазинчике, приткнувшемся между пекарней «Сдоба с маслом» и пабом «Маринованный хряк». Оставался, впрочем, вопрос: откуда старик Довиль берёт эти сказки?

Раз в год он приходил с утра в лавку и обнаруживал внутри коробку с книгами. Четыре новеньких сказки, по одному экземпляру каждой. Тогда мистер Довиль вешал на дверь лавки табличку «Закрыто до дальнейших объявлений» и запирался в задней комнате. Там он день за днём прилежно переписывал новые сказки от руки – по книжке на каждого ребёнка в Гавальдоне. А что касается таинственных оригиналов – они в один прекрасный день появлялись в витрине магазина, возвещая о том, что мистер Довиль наконец-то закончил свою утомительную работу. Он открывал двери, и перед ними тут же выстраивалась очередь длиной в три мили, змеившаяся по площади, вниз по холмам, вокруг озера, – очередь из детишек, которым не терпелось почитать новые сказки, и родителей, отчаянно надеявшихся увидеть своих пропавших детей в книгах.

Не стоит и говорить, что у Совета Старейшин появилось немало вопросов к мистеру Довилю. Когда его спросили, кто присылает книги, мистер Довиль ответил, что даже не представляет. На вопрос, как давно он получает эти книги, мистер Довиль сказал, что сколько себя помнит, столько и получает. Наконец, когда его спросили, не удивляет ли его подобное магическое появление книг, мистер Довиль ответил: «А откуда ещё братья сказкам?»

А потом старейшины заметили в книгах мистера Довиля ещё кое-что необычное. Все деревни в них в точности напоминали Гавальдон. Такие же домики с яркими карнизами на берегу озера. Такие же фиолетовые и зелёные тюльпаны вдоль узких дорожек. Такие же алые кареты, лавки на опушке леса, жёлтая школа и покосившаяся часовая башня, только нарисованные в виде фантазии в стране мечты. Назначение у этих книжных деревенок было только одно: в них начиналась и заканчивалась сказка. А всё действие между началом и концом происходило в тёмном, бескрайнем лесу, окружавшем деревню.

Именно тогда все поняли, что Гавальдон тоже окружён тёмным, бескрайним лесом.

Когда дети только-только начали исчезать, жители деревни отправились на штурм леса, но их останавливали бури, наводнения, циклоны и падающие деревья. Когда им всё же удалось преодолеть все препятствия, они нашли какой-то городок, прятанный за деревьями, но, ворвавшись в него, чтобы отомстить, обнаружили, что снова попали в Гавальдон. Собственно, в каком месте жители деревни ни пытались бы войти в лес, выходили они из него там же. Лес, похоже, вообще не собирался возвращать им детей. И однажды они узнали, почему.

Мистер Довиль распаковал коробку с книгами, которую прислали ему в том году, и заметил на складке коробки большое пятно. Коснувшись его пальцем, он обнаружил, что на пятне ещё не высохли чёрнила. Он пригляделся поближе и увидел, что это печать со сложным гербом, состоящим из изображений чёрного и белого лебедей. На гербе были написаны три буквы:

Ему не пришлось гадать, что же означают эти буквы. На ленте под гербом была расшифровка. Маленькие чёрные слова, которые дали жителям деревни понять, куда же пропадали их дети:

ШКОЛА ДОБРА И ЗЛА

Похищения продолжились, но теперь вор получил имя. Его прозвали Директором школы.

В одиннадцатом часу Софи сняла последний замок с окна и приоткрыла ставни. Она видела в окне опушку леса, где её отец, Стефан, стоял вместе с остальными стражами границы. Но вместо того, чтобы тревожиться, как остальные, он улыбался, положив руку на плечо вдовушке Оноре. Софи скорчила гримасу. Что отец нашёл в этой женщине, она не представляла. Её мама была безупречной, словно сказочная королева. А вот у Оноры была маленькая голова, круглое тело, а в целом она напоминала индюшку.

Отец что-то весело зашептал вдове на ухо, и у Софи вспыхнули щёки. Если бы забирали двух маленьких сыновей Оноры, он бы был серьёзнее, чем сама смерть. Да, конечно, Стефан запер её в доме на закате, поцеловал, и вообще вёл себя, как полагается любящему отцу. Но Софи знала правду. Она каждый день видела эту правду на его лице. Отец не любил её. Всё потому, что она не мальчик. Потому, что она не напоминает ему его самого.

А теперь он хочет жениться на этой уродине. Через пять лет после смерти мамы никто уже не сочтёт это непочтительным или бессердечным. Просто обменяются обетами на алтаре, и у него будет два сына, новая семья, он начнёт жизнь заново. Но чтобы Старейшины это разрешили, для начала нужно согласие его дочери. Он несколько раз пытался завести об этом разговор, но Софи либо меняла тему, либо начинала особенно мелко нарезать огурцы, либо улыбалась так же, как в разговорах с Редли. Больше отец Онору не упоминал.

«Пусть этот трус женится на ней, когда меня заберут», – подумала Софи, хмурясь. Лишь когда её похитят, он начнёт по-настоящему ценить её. Лишь когда она покинет дом, он поймёт, что её никем не заменить. Когда она пропадёт, он наконец поймёт, что не породил сына, нет.

Он стал отцом принцессы.

Софи аккуратно разложила на подоконнике имбирные пряники-сердечки для Директора школы. Впервые в жизни она приготовила их с сахаром и сливочным маслом. В конце концов, эти пряники – особенные. Они свидетельствуют о том, что Софи готова уйти добровольно.

Она улеглась на мягкую подушку, закрыла глаза и начала считать секунды до полуночи, стараясь забыть о вдовах, отцах и убогом Гавальдоне.

Как только голова Софи пропала из окна, Агата сунула имбирные сердечки себе в рот. *«Никого, кроме крыс, эти штуки не привлекают»*, – подумала она; крошки от торопливо пережёванного пряника сыпались на её чёрные башмаки. Зевнув, она пошла своей дорогой. Городские часы показывали четверть одиннадцатого.

Расставшись с Софи после прогулки, Агата отправилась было домой, но ей вдруг представилось, как Софи убегает в лес в поисках этой школы Дураков и Чокнутых и натывается на клыки кабана. Так что Агата вернулась в сад к Софи, спряталась за деревом и стала слушать, как Софи открывает окно (напевая дурацкую песенку про принцев), пакует вещи (напевая что-то про свадебные колокольчики), наносит макияж и надевает лучшее платье («Все любят принцесс в розовом»?!) и наконец (наконец!) ложится в постель. Агата растоптала последние крошки подошвой и поплелась к кладбищу. Теперь Софи в безопасности и проснётся завтра, чувствуя себя полной дурой. Впрочем, Агата не станет ей это припоминать. Софи будет нуждаться в ней больше, чем когда-либо, и Агата её не оставит. Здесь, в этом безопасном, замкнутом мирке, они создадут собственный рай.

Поднимаясь по склону, Агата заметила тёмный участок в цепочке факелов на границе леса. Судя по всему, стражники, которых выставили охранять кладбище, решили, что там никого защищать не надо. Сколько Агата себя помнила, у неё был настоящий талант распугивать людей. Дети убежали от неё, словно от нетопыря. Взрослые прижимались к стенам, когда она проходила мимо, боясь, что она их проклянет. Даже зрители кладбища на холме давали стрекача, увидев её. С каждым новым годом шёпот в городе становился всё громче: «ведьма», «злодейка», «школа Зла», – и в конце концов она стала искать любые поводы, лишь бы не выходить на улицу. Сначала по несколько дней, потом по несколько месяцев, и в конце концов она стала сидеть в кладбищенском доме безвылазно, словно привидение.

Поначалу ей было чем себя развлечь. Она сочиняла стихи (лучшими были «Жизнь отвратительна» и «Рай – это кладбище»), рисовала портреты Потрошителя, которые пугали мышей даже сильнее, чем настоящий кот, и даже попыталась написать книгу сказок под названием «Жили они долго и ужасливо», в которых милые и красивые дети умирали ужасной смертью. Но ей некому было всё это показать, пока к ней в дверь не постучалась Софи.

Когда она поднялась по скрипучим ступенькам крыльца, а Потрошитель облизал ей ноги, внутри слышалось пение:

*Две башни высоко уходят в небеса,
Вокруг – непроходимые леса,
Их покрывает платьем подвенечным
Тумана колдовского пелена...*

Агата закатила глаза и открыла дверь.

Мама, стоя к ней спиной, весело напевала, складывая в большой чемодан чёрные мантии, мётлы и остроконечные ведьминские шляпы.

*Две башни, две сестры, что связаны навечно,
Как день и ночь, как осень и весна.
Одна приют для тех, кто чист душой,
Для чёрных сердцем – место во второй.
Бессмысленно задумывать побег,
Из этой школы не уйти вовек,
Тропа отсюда есть всего одна —
Тебя сквозь сказку поведёт она.*

– Собираешься в отпуск в экзотические страны? – спросила Агата. – Насколько мне известно, из Гавальдона невозможно выбраться, если у тебя нет крыльев.

Калисса обернулась.

– Думаешь, трёх мантий достаточно? – спросила она, моргнув выпуклыми глазами. Её волосы были такими же чёрными и сальными, как и у дочери.

Агата даже вздрогнула, поняв, насколько же они похожи.

– Они совершенно одинаковые, – пробормотала девочка. – Зачем тебе три?

– На случай, если одну придётся одолжить подруге, дорогая.

– Они для *меня*?

– Я положила две шляпы на случай, если одна порвётся, метлу – на случай, если тамошние мётлы воняют, а ещё несколько флаконов с собачьими языками, ящерицыными хвостами и лягушачьими лапками. Кто знает, сколько уже лет их запасам!

Агата уже знала ответ, но всё равно спросила:

– Мама, для чего мне мантии, шляпы и лягушачьи лапки?

– Для церемонии приветствия новой ведьмы, конечно! – воскликнула Калисса. – Ты же не хочешь выглядеть так, будто случайно оказалась в школе Зла?

Агата скинула башмаки.

– Давай забудем о том, что даже городской *врач* верит во всю эту чушь. Почему тебе так трудно понять, что я счастлива здесь? У меня есть всё, что мне нужно. Кровать, кот, подруга.

– Ну, тебе стоит брать с подруги пример, дорогая. *Она*, по крайней мере, хочет чего-то от жизни, – сказала Калисса, застёгивая чемодан. – Сама подумай, Агата, есть ли судьба лучше, чем стать сказочной ведьмой? Я мечтала попасть в школу Зла! А Директор школы вместо меня забрал этого идиота Свена, которого перехитрила принцесса в «Непутёвом людоеде». По-моему, его даже подожгли. Я не удивлена. Этот мальчишка даже шнурки завязать не мог. Уверена, что если бы Директор школы решил повторить похищение ещё раз, то выбрал бы меня.

Агата спряталась под одеялом.

– Ну, в городе все считают тебя ведьмой, так что, можно сказать, твоё желание исполнилось.

Калисса резко развернулась.

– Моё желание состоит в том, чтобы ты отсюда ушла, – прошипела она, её глаза были чёрными, словно угольки. – Это место сделало тебя слабой, ленивой и боязливой. Я, по крайней мере, чего-то здесь добилась. А ты просто тоскуешь и гниёшь здесь, пока не приходит Софи, чтобы выгулять тебя, как собачку.

Агата поражённо уставилась на неё.

Калисса широко улыбнулась и продолжила собирать вещи.

– Но приглядывай за своей подружкой, дорогая. Школа Добра с виду похожа на гирлянду из роз, но её ждёт немало сюрпризов. А теперь ложись спать. Директор школы скоро придёт, и если ты уснёшь, то немало облегчишь ему работу.

Агата натянула одеяло на голову.

Софи не спалось. Без пяти двенадцать, а никаких незваных гостей до сих пор нет. Она встала в постели на колени и выглянула в окно. Вокруг границы Гавальдона стояла тысяча стражников, размахивая факелами. Софи нахмурилась. «*Как он сможет пройти мимо них?*»

И тут она заметила, что пряников-сердечек на подоконнике нет.

Он уже здесь!

Из окна вылетели три плотно упакованных розовых сумки, а за ними последовали ножки в хрустальных туфельках.

Агата резко села в постели, разбуженная кошмарным сном. Калисса громко храпела в другом конце комнаты, Потрошитель лежал рядом. Рядом с кроватью Агаты стоял запёртый чемодан, подписанный каракулями, отдалённо напоминавшими «Агата из Гавальдона, Кладбищенский холм, дом 1», а на нём лежал мешочек с медовыми пирожками на дорогу.

Жуя пирожок, Агата выглянула в треснутое окно. Внизу, у подножия, ярко сиял круг из факелов, но здесь, на Кладбищенском холме, остался лишь один здоровенный стражник. Его руки были толщиной со всё тело Агаты, а ноги напоминали куриные окорочка. Он не давал себе заснуть, поднимая разбитый могильный камень на манер гири.

Агата откусила кусочек последнего пирожка и посмотрела в тёмный лес.

Оттуда на неё смотрели блестящие синие глаза.

Агата ахнула и нырнула обратно в постель, потом медленно подняла голову. Ничего нет. Даже стражника. Потому что он лежал без сознания возле разбитого надгробия, факел не горел.

От факела медленно отошла худая, сгорбленная человеческая тень. Тела, которое её отбрасывало, видно не было.

Тень плыла среди могил. Проскользнув под воротами кладбища, она спустилась с холма, в сторону ярко освещённого центра Гавальдона.

Ужас охватил сердце Агаты. Он настоящий! Кто бы это ни был.

И я ему не нужна.

Она почувствовала облегчение, но потом её захлестнула волна паники.

Софи.

Нужно разбудить маму, позвать на помощь, нужно... Нет времени.

Притворяясь спящей, Калисса слышала торопливые шаги Агаты, потом за девочкой закрылась дверь. Калисса сильнее прижала к себе Потрошителя, чтобы тот не проснулся.

Софи спряталась за деревом, ожидая, когда же её заберёт Директор школы.

Она ждала и ждала. А потом увидела кое-что на земле.

Крошки от пряника, растоптанные башмаком. Настолько ужасным, отвратительным башмаком, что принадлежать он мог только одному человеку. Софи сжала кулаки, её кровь закипела...

Чьи-то руки зажали ей рот, потом её втокнули в окно. Софи упала лицом на кровать и, развернувшись, увидела Агату.

– Жалкая гусеница! Зачем ты лезешь в мои дела!.. – закричала она, затем увидела ужас на лице подруги. – Ты его видела... – ахнула Софи.

Агата одной рукой зажала Софи рот, другой прижала к матрасу. Софи отчаянно извивалась, пытаясь вырваться, а Агата выглянула в окно. Кривая тень всплыла на главную площадь Гавальдона, мимо ничего не подозревающего вооружённого стражника, и направилась прямо к дому Софи. Агата с трудом подавила крик. Софи наконец вывернулась и схватила её за плечи.

– Он красивый? Как принц? Или это настоящий директор школы, в очках, пиджаке и...

БУМ!

Софи и Агата медленно повернулись к двери.

БУМ! БУМ!

Софи сморщила носик.

– Он ведь мог и просто постучать, а?

Замки затрещали. Дверные петли загремели.

Агата прижалась к стене, а Софи сложила руки и поправила платье, словно ожидая королевского визита.

– Лучше всего дать ему то, что он хочет, без лишней суеты.

Когда дверь начала прогибаться, Агата соскочила с кровати и уперлась в неё. Софи закатила глаза.

– Ой, да сядь уже, хватит.

Агата изо всех сил тянула за ручку, но потом рука соскользнула. Дверь с оглушительным треском распахнулась, отбросив девочку в другой конец комнаты.

На пороге стоял отец Софи, белый как полотно.

– Я что-то видел! – выдохнул он, размахивая факелом.

И тут Агата увидела, как горбатая тень вышла из стены и встала около Стефана.

– Вон он! – закричала она.

Стефан развернулся, но тень тут же загасила его факел. Агата вытащила из кармана спичку и подожгла её. Стефан лежал на полу без сознания, а Софи пропала.

Снаружи послышался шум голосов.

В окне Агата увидела, как жители деревни с криками бросились вслед за Софи и тенью, которая тащила её в лес. И, пока к погоне присоединялись всё новые люди... Софи улыбалась от уха до уха.

Агата выскочила через окно и побежала за ней. Но, едва жителям деревни удавалось догнать Софи, их факелы волшебным образом взрывались и окружали их кольцами огня. Агата увернулась от огненных ловушек и бросилась за подругой, надеясь спасти её до того, как тень утащит Софи в лес.

Софи почувствовала, что её тело скользит уже не по мягкой траве, а по грязи и камням. Она нахмурилась, представив, как зайвится в школу в грязном платье.

– Я думала, что за мной придут посыльные, – сказала она тени. – Или, по крайней мере, карета из тыквы.

Агата бежала со всех ног, но Софи уже почти исчезла среди деревьев. Пламя вокруг вздымалось всё выше и выше, готовое поглотить всю деревню.

Видя, как ярко горят огни, Софи почувствовала немалое облегчение: теперь её точно никто не спасёт. *Но где же второй ребёнок? Тот, которого заберут в школу Зла?* Она всё-таки ошибалась насчёт Агаты. Когда по лицу стали хлестать ветки, Софи обернулась и послала воздушный поцелуй проклятию заурадной жизни.

– Прощай, Гавальдон! Прощайте, скромные амбиции! Прощай, посредственность...

А потом она увидела Агату, проскочившую через кольцо огня.

– Агата, *нет!* – закричала Софи...

Агата прыгнула на неё, и их обеих утащили во тьму.

Огонь вокруг жителей деревни тут же потух. Они бросились в лес, но деревья вдруг стали намного толще и ошетинились шипами, не пропуская дальше.

Слишком поздно.

– ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ? – закричала Софи, пихая и царапая Агату, пока тень тащила их в тёмный лес.

Агата бешено размахивала руками, пытаясь отцепить тень от Софи, а Софи – от тени.

– ТЫ ВСЁ ПОРТИШЬ! – взвывла Софи.

Агата укусила её за руку.

– А-А-А-АЙ! – заорала Софи и перевернулась, чтобы Агата оказалась внизу. Агата перевернула Софи обратно и забралась на тень чуть выше, уперев башмак в лицо Софи.

– КОГДА Я ДОТЯНУСЬ ДО ТВОЕГО ГОРЛА...

И тут они оторвались от земли.

Когда вокруг них обернулось что-то колючее и холодное, Агата вытащила из складок платья спичку, чиркнула ею о своё худое запястье и побледнела. Тень исчезла. Девочки оказались в коконе из ползучих отростков вяза, которые подняли их на нижнюю ветку огромного дерева. Девочки сердито переглянулись и попытались перевести дыхание, чтобы сказать хоть что-нибудь. Агате это удалось первой.

– Мы идём домой. *Прямо сейчас.*

Ветка задрожала, отклонилась назад, словно катапульта, и подбросила их вверх со скоростью пули. Не успев даже вскрикнуть, они уже приземлились на другой ветке. Агата попыталась вытащить новую спичку, но ветка уже согнулась и подбросила их на следующую ветку, та – на следующую.

– КАКОЙ ЖЕ ВЫСОТЫ ЭТО ДЕРЕВО?! – завизжала Агата.

Подскакивая на ветках, девочки врезались друг в дружку, их платья рвались о колючки и сучья, и в конце концов они всё-таки добрались до самой верхушки.

Там, на самой высокой ветке вяза, лежало огромное чёрное яйцо. Девочки изумлённо уставились на него. Яйцо раскололось, обдав их тёмным, вязким желтком, и из него появилась

огромная птица из одних костей. Посмотрев на странную парочку, птица гневно завизжала, и у подруг чуть не лопнули барабанные перепонки. Потом она схватила их когтями и взлетела, а они закричали, наконец хоть что-то сделав вместе. Птица-скелет неслась по чёрному лесу, а Агата отчаянно поджигала спичку за спичкой, и во вспышках девочки видели блестящие красные глаза и ошестинившиеся тени. Повсюду вокруг деревьев пытались схватить девочек, птица то поднималась, то опускалась, уворачиваясь от них, а потом впереди загредел гром, и они влетели прямо в страшную грозу. Молнии наклоняли кроны деревьев в их сторону, и они прикрывали лица от дождя, грязи и веток, уклонялись от паутины, ульев и гадюк, а потом птица спикировала в смертоносный шиповник, и девочки побелели и прикрыли глаза, ожидая боли...

И всё стихло.

– Агата...

Агата открыла глаза и увидела солнечные лучи. Посмотрев вниз, она ахнула.

– Всё *по-настоящему*.

Далеко внизу над лесом высились два замка. Один, с розовыми и голубыми стеклянными башнями, стоял возле блестящего озера, сверкая в солнечном тумане. Другой же был чёрным и закопчённым, а зазубренные башни разрывали грозовые тучи, словно зубы чудовища.

Школа Добра и Зла.

Птица-скелет подлетела к башням школы Добра и слегка ослабила хватку. Агата в ужасе ухватилась за подругу, но затем увидела, что лицо той светится от счастья.

– Агги, я *принцесса*.

Но вместо неё птица сбросила вниз Агату.

Поражённая Софи проводила взглядом Агату, падавшую в туман цвета сахарной ваты.

– Постой... нет...

Птица спикировала к башням школы Зла, челюсти которых искали новую добычу.

– Нет! Я же *добрая*! Это не те башни! – закричала Софи...

...и полетела вниз, в адскую темноту.

3. Большая ошибка

Софи открыла глаза и обнаружила, что плавает в вонючем рве, до краёв наполненном густой чёрной грязью. Со всех сторон её окружала мрачная стена тумана. Она попыталась встать, но не смогла нащупать ногами дна и погрузилась с головой; грязь заполнила её нос и обожгла горло. Хватая ртом воздух, Софи наконец нашла, за что схватиться; это оказалась полубглоданная туша козы. Она ахнула и попыталась отплыть подальше, но не видела ничего даже на дюйм вперёд. Над головой эхом разносились крики, и Софи подняла голову.

Резкое движение – а затем целая дюжина птиц-скелетов прорвалась через туман и сбросила в ров визжащих детей. Когда их крики сменились громкими всплесками, появилась вторая стая птиц, потом третья, и в конце концов каждый дюйм неба заполнился падающими детьми. Софи увидела, как очередная птица пикирует прямо на неё; увернувшись в последний момент, она получила большой комок слизи в лицо.

Протерев глаза от грязи, Софи оказалась лицом к лицу с мальчиком. Первое, что она заметила, – на нём не было рубашки. Грудь была впалой и бледной, без всякого намёка на мышцы. Длинный нос казался слишком большим для маленькой головы, во рту блестели острые зубки, а чёрные волосы закрывали глазки-бусинки. Больше всего он напоминал зловещего маленького хорька.

– Птица съела мою рубашку, – сказал он. – Можно потрогать твои волосы?

Софи отшатнулась.

– У злодеек обычно не бывает принцессиных волос, – сказал он, подплывая к ней по-собачьи.

Софи отчаянно стала шарить вокруг в поисках оружия – камня, палки,дохлой козы...

– Может быть, мы станем соседями по комнате. Или лучшими друзьями. Или закадычными товарищами, – продолжил он, подплыв уже совсем близко.

Казалось, словно Редли превратился в грызуна и вдруг набрался смелости. Он протянул тощую руку, чтобы коснуться её, и Софи уже приготовилась врезать ему в глаз, но тут между ними плюхнулся ещё один кричащий ребёнок. Софи поплыла в противоположном направлении, а когда обернулась, мальчика-хорька уже не было.

В тумане Софи разглядела силуэты детей, которые бродили среди плавающих сумок и чемоданов в поисках своего багажа. Те, кому это удавалось, продолжали путь вниз по течению, – оттуда доносился зловещий вой. Софи последовала за этими силуэтами и плыла до тех пор, пока туман не рассеялся. На берегу их встречали двуногие волки, одетые в кроваво-крас-

ные солдатские мундиры и чёрные кожаные штаны. Стая щёлкала кнутами, чтобы выстроить учеников в шеренгу.

Софи выбралась на берег, но застыла, увидев своё отражение в мутной воде. Платье было перепачкано грязью и желтком, на лице блестел слой вонючей чёрной слизи, а в волосах поселилось семейство червяков. Она громко вдохнула...

– *Помогите!* Я не в той шк...

Волк вытащил её из воды и пинком отправил в строй. Она открыла было рот, чтобы запротестовать, но тут увидела мальчика-хорька, который плыл к ней, крича: «Подожди меня!»

Софи быстро встала в хвост толпы, состоящей из мрачных детей, тащивших чемоданы сквозь туман. Когда кто-то мешкал, волки тут же начинали щёлкать кнутами, так что Софи быстро шла вперёд, одновременно отряхивая платье, вытаскивая из волос червей и оплакивая идеально упакованные сумки, оставшиеся где-то далеко.

Ворота башни были сделаны из железных шипов, переплетённых колючей проволокой. Подойдя поближе, Софи поняла, что это и не проволока вовсе, а чёрные гадюки, которые шипели и были готовы укусить. Пискнув от ужаса, Софи пробежала через ворота и оглянулась на проржавевшую надпись над ними, которую держали два резных чёрных лебедя:

Школа Зла и Пакостей

Впереди, как крылатый демон, возвышалось здание школы. Главная башня, построенная из щербатого чёрного камня, поднималась к дымным облакам подобно огромному туловищу. По бокам главной башни торчали два толстых, кривых шпиля, с которых свисали тёмно-красные ползучие растения; конструкция очень напоминала истекающие кровью крылья.

Волки провели детей ко входу в главную башню – длинному, зубчатому туннелю, похожему на пасть крокодила. У Софи по коже забегали мурашки, когда туннель стал настолько узким, что она едва видела даже впередиидущего. Протиснувшись между двумя зазубренными камнями, она оказалась в продуваемом всеми ветрами холле, где пахло гнилой рыбой. Страшные горгульи смотрели с каменных стропил, держа в зубах зажжённые факелы. В зловещем свете пламени поблёскивала железная статуя лысой, беззубой старухи с яблоком в руках. У стены стояла обветшалая колонна с нарисованной огромной буквой «Н», украшенная злобными чертями, троллями и гарпиями, которые лезли на неё, словно на дерево. На следующей колонне виднелась кроваво-красная «И», окружённая великанами и гоблинами. Софи шла всё дальше и дальше и в конце концов разглядела, что буквы на колоннах складываются в слово «НИКОГДА», а потом вдруг заметила, что шеренга детей уже не прямая, а вьётся перед ней змеей. Впервые увидев остальных учеников, она чуть не упала в обморок.

У одной девочки был ужасный глубокий прикус, редкие волосы и всего один глаз прямо посередине лба. Другой мальчик напоминал гору теста – торчащий живот, лысая голова, отёкшие руки и ноги. Чуть впереди шагала высокая, надменная девочка с болезненно-зелёной кожей. У мальчика, стоявшего прямо перед ней, было столько волос, что он скорее напоминал обезьяну. Они все были примерно её возраста, но на этом всякое сходство заканчивалось. В зале расположилась толпа подростков с бесформенными телами, отвратительными лицами и самыми жестокими взглядами из всех, что Софи приходилось видеть – они словно искали какой-нибудь новый объект для ненависти. Эти взгляды один за другим падали на Софи – и находили то, что искали. Перепуганную златокудрую принцессу в хрустальных туфельках.

Красную розу среди шипов.

По другую сторону рва Агата чуть не убила фею.

Она проснулась под красными и жёлтыми лилиями, которые, похоже, о чем-то оживлённо беседовали. Агата была уверена, что обсуждают именно её, потому что лилии бесцеремонно показывали на неё листьями и бутонами. Но вопрос, похоже, всё-таки удалось разрешить, и

цветы склонились над ней, словно суетливые бабушки, и обернули стебли вокруг её рук. Они подняли Агату на ноги, и она уставилась на поле из девочек, которые цвели вокруг сверкающего озера.

Она глазам не верила. Девочки вырастали прямо из земли. Сначала из мягкой земли появлялись головы, потом шеи, потом туловища, и они всё росли и росли, пока не протягивали руки к синему небу и не ступали на землю изящными туфельками. Но больше всего пугали Агату не растущие из земли девочки сами по себе, а то, что они *вообще* не были похожи на неё.

Их личики – и тёмные, и светлые – были безупречными и лучились здоровьем. У них были блестящие водопады волос, причёсанные и заплетённые, словно у кукол, и они носили длинные платья персикового, жёлтого и белого цветов и напоминали горку пасхальных яиц. Одни были низенькими, другие – высокими и гибкими, но все они могли похвастаться тонкими талиями, стройными ножками и узкими плечами. Когда новые ученицы прорастали на поле, к ним тут же спускались стайки из трёх фей с блестящими крылышками. Весело звеня, они очищали девочек от грязи, наливали им чашки чаю с мёдом и занимались багажом, который появлялся из земли вместе с владелицами.

Откуда появлялись все эти красавицы, Агата даже не представляла. Ей лишь хотелось, чтобы из земли вырос хоть кто-нибудь мрачный и растрёпанный, чтобы она не чувствовала себя настолько чужой. Но нет, она видела лишь всё новых и новых «Софи», у которых было всё, чего не хватало ей. По животу разливалось знакомое чувство стыда. Ей срочно требовалась какая-нибудь дыра, чтобы забраться туда, кладбище, чтобы спрятаться, хоть что-нибудь, чтобы они все исчезли...

Вот тогда-то её и укусила фея.

– Что такое...

Агата попыталась стряхнуть фею с руки, но та укусила её сначала в шею, потом в ягодицу. Остальные феи попытались успокоить хулиганку, но она покусала и их, а затем снова бросилась на Агату. Разозлившись, девочка попыталась схватить фею, но та двигалась с быстротой молнии, так что Агата лишь бесполезно прыгала туда-сюда, терпя всё новые укусы, пока фея по ошибке не влетела к ней в рот, и она её тут же проглотила. Вздохнув с облегчением, Агата подняла голову.

Шестьдесят прекрасных девочек уставились на неё, как на кошку в гнезде соловья.

Агата почувствовала, как в горле что-то колет, закашлялась и выплюнула фею. К её удивлению, фея оказалась мальчиком.

Вдалеке, в великолепном розово-голубом замке на другом берегу озера, звенели колокола. Команды фей схватили своих девочек за плечи, подняли в воздух и перенесли через озеро. Агата поняла, что сейчас самое время сбежать, но не успела и двинуться, как её подхватили две феи-девочки. Улетая, она оглянулась на мальчика-фею, который остался сидеть на земле. Он сложил руки на груди и покачал головой, словно недвусмысленно давая понять, что произошла ужасная ошибка.

Феи осторожно поставили девочек на землю перед стеклянным замком и отпустили – дальше нужно было идти самим. Но вот две феи Агаты по-прежнему держали её и тащили вперёд, словно пленницу. Агата оглянулась назад, на озеро. *Где Софи?*

Прозрачная вода на середине озера превращалась в мерзкую грязь; противоположный берег был скрыт серым туманом. Если Агата хочет спасти подругу, нужно как-то пересечь это грязевое озеро. Но для начала нужно избавиться от этих крылатых паразитов. Как-то их отвлечь.

Над золотыми воротами впереди блестели слова:

Школа Добра и Очарования

Агата увидела своё отражение в зеркальных буквах и отвернулась. Она ненавидела зеркала и избегала их любой ценой. («Свиньи и собаки не тратят время, таращась на себя», – подумала она.) По-прежнему двигаясь вперёд, Агата посмотрела на матовые стеклянные двери замка, украшенные двумя белыми лебедями. Но когда двери открылись и феи провели девочек в узкий зеркальный коридор, шеренга остановилась, и стайка девочек окружила Агату, словно акулы.

Они разглядывали её, словно ожидая, что она вот-вот снимет маску, и под ней окажется принцесса. Агата попыталась ответить на их взгляды, но вместо этого увидела своё лицо, отражённое в тысяче зеркал, и тут же опустила глаза, уставившись на мраморный пол. Несколько фей громко зажужжали, пытаясь заставить всех идти дальше, но большинство удобно устроились на плечах девочек и стали ждать. Наконец одна из девочек – с золотыми волосами до пояса, полными губками и топазовыми глазами – шагнула вперёд. Она была такой красивой, что казалась настоящей.

– Привет, я Беатрис, – сладким голосом сказала она. – Не расслышала твоего имени.

– А я его и не называла, – ответила Агата, не поднимая глаз.

– Ты уверена, что попала по адресу? – спросила Беатрис ещё более сладким тоном.

На ум Агате пришло какое-то слово – оно было ей очень нужно, но в голове всё ещё не рассеялся туман.

– Э-э-э, ну, я...

– Может быть, ты просто заплыла не в ту школу? – улыбнулась Беатрис.

Слово наконец оформилось перед внутренним взором Агаты. *Отвлечь*.

Агата посмотрела в ослепительные глаза Беатрис.

– Это же школа Добра, верно? Легендарная школа для красивых и достойных девочек, судьба которых – стать принцессами?

– Ох, – проговорила Беатрис, сжав губы. – Значит, ты не потерялась?

– И не растерялась? – добавила другая девочка, со смуглым арабским личиком и чёрными как смоль волосами.

– И не слепая? – спросила третья, с тёмно-рубиновыми кудрями.

– В таком случае у тебя, несомненно, есть билет на Цветочное метро, – сказала Беатрис.

Агата моргнула.

– Есть... что?

– Твой *билет* на Цветочное метро, – сказала Беатрис. – Ну, знаешь, по которому мы все сюда попали. Только у *официально* принятых учеников есть билеты на Цветочное метро.

Все девочки показали большие золотые билеты с именами, написанными каллиграфическим почерком, и чёрно-белой печатью Директора школы.

– А-а-а, *этот* билет, – фыркнула Агата и начала шарить по карманам. – Подойди поближе, я покажу.

Девочки встали в круг, с подозрением глядя на неё. А Агата искала хоть что-нибудь, чтобы отвлечь их – спички... монетки... сушёные листья...

– Ещё поближе.

Девочки, тихо переговариваясь, собрались вокруг.

– Он не должен быть таким маленьким, – хмыкнула Беатрис.

– Сел после стирки, – ответила Агата. В кармане обнаружили ещё спички, растаявшая шоколадка, безголовая птичка (Потрошитель любил прятать их в её одежде)... – Вот, здесь где-то.

– Может быть, ты его потеряла? – спросила Беатрис.

Шарики нафталина... арахисовые скорлупки... ещё одна мёртвая птичка...

– Или положила куда-то ещё? – продолжила Беатрис.

Птица? Спичка? И что делать – поджечь птицу спичками?

– Или *соврала*, что он у тебя есть.

– О, чувствую, он где-то здесь...

Но на самом деле Агата лишь почувствовала, как по шее от волнения забегали мурашки.

– Ты же знаешь, что здесь делают с незваными гостями, да? – спросила Беатрис.

– Вот он...

Да сделай же что-нибудь!

Девочки угрожающе столпились вокруг неё.

Сделай что-нибудь, немедленно!

Агата сделала первое, что пришло в голову: быстро, громко пукнула.

Хорошая диверсия вызывает хаос и панику. Агате удалось и то, и другое. Узкий коридор заполнился смрадом; девочки с визгом разбежались, ища укрытие, а феи тут же попадали в обморок. Путь к двери был свободен. Лишь Беатрис стояла у неё на пути, слишком поражённая произошедшим, чтобы сдвинуться с места. Агата шагнула к ней и наклонилась вперёд, словно волк.

– *Бу.*

Беатрис бросилась наутёк.

На пути к выходу Агата, оглянувшись, с гордостью увидела, как девочки врезаются в стены и друг в дружку, пытаясь сбежать. Твёрдо намеренная спасти Софи, она выбежала обратно через матовые двери и бросилась к озеру, но едва она добралась до берега, поднялась огромная волна, подхватила её и швырнула обратно; Агата пролетела между визжащими девочками и плюхнулась на живот в большую лужу.

С трудом поднявшись на ноги, она застыла.

– Добро пожаловать, новая принцесса, – сказала ей парящая в воздухе семифутовая водяная нимфа. Она отлетела в сторону, и перед Агатой открылся такой великолепный вестибюль, что у неё перехватило дыхание. – Приветствуем тебя в школе Добра!

Софи не могла смириться с запахом этого места. Продвигаясь вперёд вместе со всеми, она задыхалась от вони немых тел, заплесневелого камня и волчьих шкур. Софи поднялась на цыпочки, чтобы хоть так разглядеть, куда же они идут, но увидела лишь бесконечный парад уродов. Другие ученики бросали на неё злобные взгляды, но она отвечала лишь самой приветливой улыбкой – на случай, если это просто проверка. Это же в самом деле проверка, или ошибка, или шутка, или... *что-то*.

Она повернулась к серому волку:

– Я не ставлю под сомнение ваши полномочия, но всё-таки – нельзя ли мне увидеть Директора школы? Мне кажется, он...

Волк зарычал на неё, обдав брызгами слюны. Софи решила не продолжать разговор.

Вместе с остальными она прошла в глубокий вестибюль, откуда расходились три чёрные кривые лестницы. На одной, с резными чудовищами, красовалась надпись КОВАРСТВО, на другой, украшенной пауками, – ОБМАН, а на третьей, со змеями, – ПРЕДАТЕЛЬСТВО. Стены вокруг лестниц были увешаны картинами с разноцветными рамами. В каждой раме был портрет ребёнка, а рядом – иллюстрация из сказки: кем ученик стал после окончания школы. В золотой раме висел портрет маленькой тщедушной девочки, а рядом – великолепная картина, где она предстала в виде отвратительной ведьмы, которая стояла над девушкой, спящей мёртвым сном. Под двумя картинами располагалась золотая табличка:

КАТРИН ИЗ ЛИСЬЕГО ЛЕСА
«Белоснежка» (злодей)

В следующей золотой раме она увидела ухмыляющегося мальчишку с густыми сросшимися бровями, а рядом – его же, только взрослого, держащего нож у горла женщины:

ДРОГАН ИЗ ШЕПЧУЩИХ ГОР
«Синяя Борода» (злодей)

Чуть ниже Дрогана располагалась серебряная рама с худеньким светловолосым мальчиком, который превратился в одного из дюжины людоедов, разоривших деревню:

КЕЙР ИЗ НИЖНЕГО ЛЕСА
«Мальчик-с-пальчик» (приспешник)

А потом Софи увидела полусгнившую бронзовую раму в самом низу; там был портрет маленького лысого мальчика с перепуганными глазами. Она знала этого мальчика. Его звали Бэйн. Он перекусал всех красивых девочек в Гавальдоне, прежде чем его похитили четыре года назад. Но рядом с портретом Бэйна не было никакой иллюстрации – лишь заржавевшая табличка с надписью:

ОТЧИСЛЕН

Софи посмотрела на перепуганное лицо Бэйна, и у неё засосало под ложечкой. *Что с ним произошло?* Она посмотрела на тысячи золотых, серебряных и бронзовых рам, покрывавших каждый дюйм большого зала: ведьмы, убивающие принцев; великаны, поедающие людей; демоны, поджигающие детей; отвратительные людоеды, жуткие горгоны, всадники без головы, безжалостные морские чудовища. Когда-то – нескладные подростки, а теперь – воплощения абсолютного зла. Даже злодеи, которые умерли страшной смертью – Румпельштильцхен, Вели-

кан из «Джека и бобового стебля», Волк из «Красной Шапочки» – изображались в моменты наивысшего торжества, словно именно они победили в своих сказках. У Софи снова похолодело в животе, когда она заметила, что другие дети разглядывают портреты в немом восторге, и осознала, что стоит в одном ряду с будущими убийцами и чудовищами.

Её прошиб холодный пот. Нужно срочно найти кого-нибудь из преподавателей. Кого-нибудь, кто сможет просмотреть список поступивших и подтвердить, что она попала не в ту школу. Но пока что ей встречались только волки, которые даже говорить не могли, не то что прочесть список.

Свернув за угол и оказавшись в широком коридоре, Софи увидела краснокожего рогатого карлика на приставной лестнице, прибывающего к голой стене новые портреты. Она стиснула зубы в надежде, продвигаясь чуть ближе к нему. Раздумывая, как бы привлечь его внимание, Софи вдруг заметила знакомые лица в рамках на этой стене. Вот жирный паренёк, похожий на грудку теста – Броун из Вересковых холмов. Рядом с ним – портрет одноглазой девочки с клоками волос: Арахна из Лисьего леса. Софи разглядывала портреты одноклассников, словно ожидая, когда же они превратятся в злодеев. Её взгляд остановился на мальчике-хорьке. Хорт из Кровавого ручья. «Хорт. Звучит как болезнь какая-то». Она сделала ещё несколько шагов и уже была готова обратиться к карлику...

А потом увидела раму, которую он как раз прибывал к стене.

Ей улыбалось её собственное лицо.

С громким визгом Софи подпрыгнула, неуклюже влезла по лестнице и выхватила портрет из рук изумлённого карлика.

– Нет! Моё место в школе *Добра!* – закричала она, но карлик отобрал портрет обратно, и они начали вырывать его друг у друга, пинаясь и пихаясь, пока Софи это не надоело и она не вцепилась ему в щеку. Карлик закричал, как маленькая девочка, и замахнулся на неё молотком. Софи увернулась, но потеряла равновесие; приставная лестница зашаталась и стала падать. Повиснув в воздухе на ступеньках, Софи посмотрела вниз на рычащих волков и хихикающих школьников – «Мне нужно поговорить с Директором школы!», – потом её руки разжались, она соскользнула с лестницы и неуклюже рухнула в самом начале очереди.

Старая темнокожая ведьма с огромным чирьем на щеке сунула ей в руку лист пергамента.

СОФИ ИЗ-ЗА ДАЛЬНОГО ЛЕСА	
ЗЛО. ПЕРВЫЙ ГОД ОБУЧЕНИЯ	
БАШНЯ КОВАРСТВА, 66	
Предметы	Преподаватели
1: НАУКА УРОДСТВА	проф. Биллус Мэнли
2: ПОДГОТОВКА ПРИСПЕШНИКОВ	Кастор
3: ПРОКЛЯТИЯ И СМЕРТЕЛЬНЫЕ ЛОВУШКИ	леди Лессо
4: ИСТОРИЯ ЗЛОДЕЙСТВА	проф. Август Садеу
5: ОБЕД	
6: ОСОБЫЕ ТАЛАНТЫ	проф. Шибя Шикс
7: ВЫЖИВАНИЕ В СКАЗКАХ (ЛЕСНОЙ ОТРЯД № 3)	гном Юба

Софи ошеломлённо подняла голову.

– Увидимся в классе, ведьма из-за Дальнего леса! – прохрипела старуха.

Прежде чем Софи успела ответить, людоед сунул ей в руку стопку книг, перевязанную лентой.

«Лучшие монологи злодеев», 2-е изд.

«Заклинания для страданий», год I

«Руководство по похищениям и убийствам для начинающих»

«Секреты уродства»

«Как портить жизнь окружающим. Издание третье, самое гадкое»

Книги уже сами по себе были ужасны, но потом Софи увидела, что ленточка, которой они перевязаны, – на самом деле живой угорь. Она вскрикнула и уронила книги, и тут пятнистый сатир кинул в неё куском несвежей чёрной ткани. Развернув её, Софи невольно отпрянула, увидев некрасивую, истрёпанную тунику, провисшую, словно драные занавески.

Она уставилась на других девочек – те уже весело натянули прогнившую форму, просматривали книжки, сравнивали расписания. Софи медленно обвела взглядом вонючую чёр-

ную мантию. Потом – книги и расписание, перепачканные слизью угря. Потом – свой улыбающийся, милый портрет на стене.

И бросилась бежать.

Агата понимала, что попала не туда, потому что даже преподаватели смотрели на неё с удивлением. Они стояли на четырёх спиральных лестницах огромного застеклённого вестибюля (две из них были голубыми, две – розовыми), осыпая новых учеников конфетти. Учительницы были одеты в длинные платья с высокими воротниками, отличавшимися лишь по цвету; грудь украшал блестящий серебряный герб в виде лебедя. Каждая из них добавила к платью что-то своё: узор из кристаллов, вышитые бисером цветы, даже банты из тюля. Учителя, напротив, нарядились в яркие костюмы всех цветов радуги, с жилетками соответствующих оттенков, узкими галстуками и цветными платками в карманах, на которых был вышит тот же серебряный лебедь.

Агата тут же заметила, что все они намного красивее, чем любые другие взрослые, что ей доводилось раньше видеть. Даже пожилые учителя были устрашающе элегантны. Агата всегда пыталась убедить себя, что красота бессмысленна, потому что рано или поздно всё равно увянет. Но здесь перед ней было живое доказательство того, что красота вечна.

Учителя тайком подталкивали друг друга локтями и перешёптывались, увидев промокшую до нитки, явно попавшую не туда ученицу, а Агата хорошо улавливала такие вещи. Потом она заметила одного учителя, не похожего на остальных. Седовласый, с блестящими карими глазами, он стоял возле ярко освещённого витражного окна, одетый в зелёный, цвета клевера, костюм, и улыбался так, словно ей здесь самое место. Агата покраснела. Любой, кто считает, что она должна учиться здесь, – сумасшедший. Отвернувшись, она утешила себя гневными взглядами девочек, которые явно не собирались прощать ей диверсию в коридоре.

– А где мальчики? – услышала Агата чей-то вопрос.

Девочки выстроились перед тремя огромными парящими в воздухе нимфами с неоновыми волосами – те раздавали расписания уроков, книги и школьную форму.

Встав в очередь, Агата стала разглядывать величественный зал. На стене напротив неё розовой краской была нарисована огромная буква «В», окружённая прекрасными ангелами и сифидами. На остальных трёх стенах розовой и голубой красками тоже были написаны буквы, из которых складывалось слово «ВСЕГДА». Четыре спиральных лестницы располагались симметрично в углах каждой стены, освещённые высокими витражными окнами. На одной из двух голубых лестниц светилась надпись «Честь», окружённая стеклянными гравюрами с рыцарями и королями, а на другой, украшенной изображениями охотников и лучников, было написано «Доблесть». На двух розовых стеклянных лестницах золотой краской были нанесены надписи «Безупречность» и «Милосердие», украшенные изящными изображениями прекрасных дам, принцесс и очаровательных зверюшек.

В центре комнаты стоял высокий хрустальный обелиск, простиравшийся от молочно-белого мраморного пола до стеклянного сводчатого потолка; на нём красовались портреты выпускников. На самом верху располагались портреты в золотых рамах – ученики, которые, окончив школу, стали королевскими особами. Посередине – серебряные рамы с изображениями тех, кто нашёл себя во второстепенных ролях: бойких помощников, старательных домохозяек, фей-крестных. А у основания колонны виднелись покрытые пылью картины в бронзовых рамах – те, кому удалось стать всего лишь солдатами или слугами. Но кем бы ни стали ученики – Снежной Королевой или трубочистом, – у них у всех были красивые лица, добрые улыбки и душевные взгляды. В стеклянном дворце посреди леса собрались лучшие люди, чтобы служить Добру. И она, мисс Неудача, которая любит кладбища и громкие пуки...

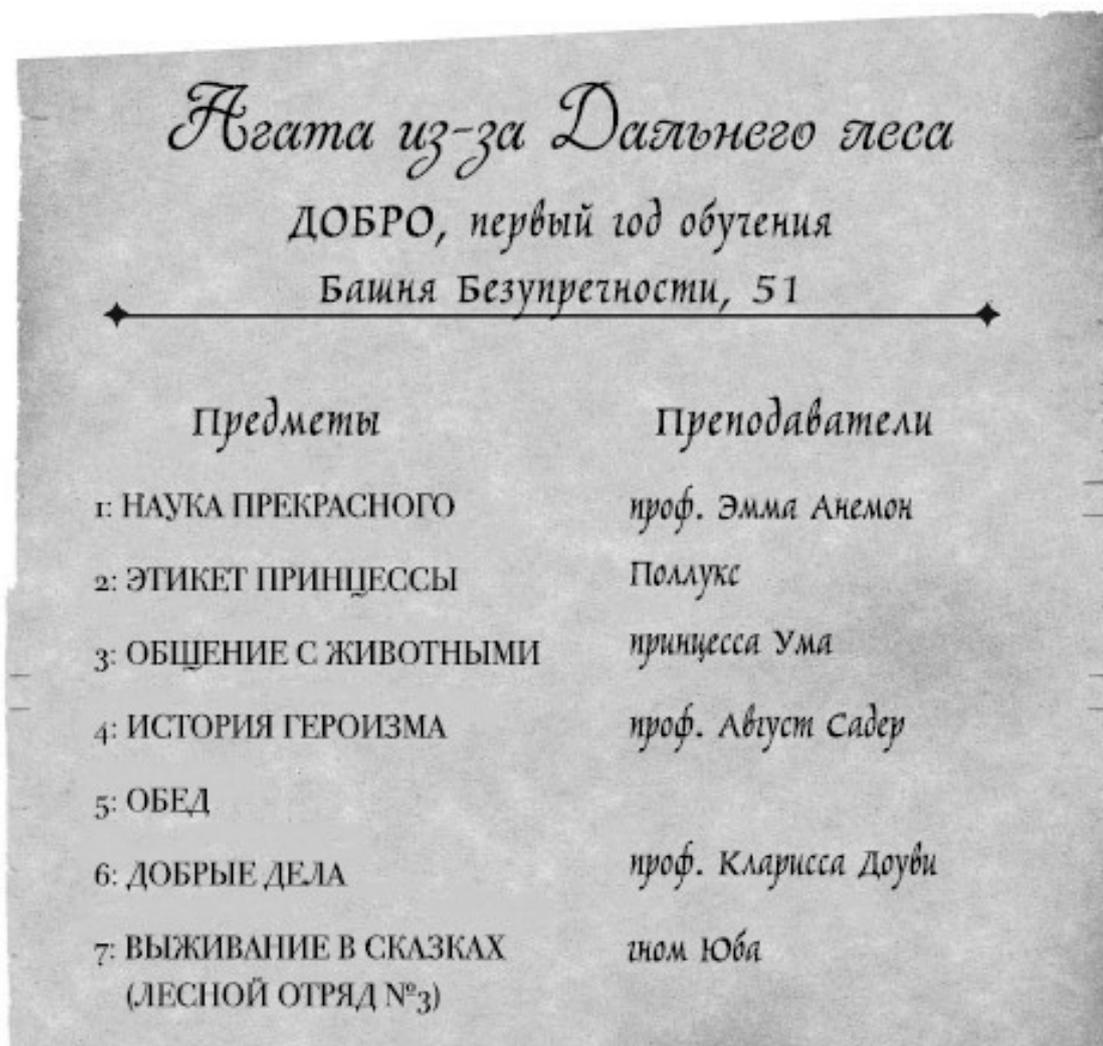
Агата ждала, затаив дыхание, а потом подошла к нимфе с розовыми волосами.

– Здесь какая-то ошибка! – выдохнула она, мокрая от воды и пота. – Здесь должна быть моя подруга Софи.

Нимфа улыбнулась.

– Я попыталась не пустить её сюда, – с надеждой затараторила Агата, – но из-за меня птица всё перепутала, и я попала сюда, а Софи – в другую башню, но она милая, любит розовый цвет, а я... ну, просто посмотрите на меня. Я знаю, вам нужны ученики, но Софи – моя лучшая подруга, и если она останется, то я тоже должна остаться, а мы *не можем* остаться, помогите мне найти её, чтобы мы могли вернуться домой.

Нимфа вручила ей пергаментный свиток.

Агата изумлённо уставилась на расписание.

– Но...

Нимфа с зелёными волосами вручила ей корзину с книгами. Она разглядела несколько названий:

«Все преимущества красоты»

«Как завоевать принца»

«Рецепты очарования»

«Путь принцессы»

«Общение с животными, часть 1: лай, ржанье и чирикание»

Наконец, нимфа с синими волосами протянула Агате школьную форму: ужасно короткий розовый передник с расшитыми гвоздиками рукавами, надетый на белую кружевную блузку, на которой не хватало трёх пуговиц.

Поражённая Агата разглядывала собравшихся вокруг неё будущих принцесс, поправлявших розовые платки. Она посмотрела на книги, которые уверяли её, что красота – это преимущество, что она может завоевать принца с точёной фигурой и разговаривать с птицами. Глянула в расписание, явно предназначенное для кого-то красивого, элегантного и доброго. Наконец, посмотрела на симпатичного учителя, который по-прежнему ей улыбался, словно ожидая от Агаты из Гавальдона великих свершений.

В ситуации, когда от неё кто-то чего-то ожидает, Агата отреагировала единственным известным ей способом.

Вверх по голубой лестнице Чести, через зелёные, как море, залы – она бежала, а за ней, яростно звеня крылышками, спешили феи. Пронесаясь по коридорам и взбираясь по лестницам, она даже не успевала рассмотреть ничего вокруг – нефритовые полы, классы со стенами из леденцов, золотую библиотеку. Поднявшись по самой верхней лестнице, она выскочила через дверь из матового стекла на крышу башни. Перед ней расстился великолепный топиарий под открытым небом – фигурные подстриженные кусты, освещённые ярким солнцем. Прежде чем Агата хотя бы успела увидеть, какую форму имеют эти живые скульптуры, феи распахнули дверь и стали плевать золотой паутиной, чтобы опутать девочку. Она прыгнула на пол, уворачиваясь от липких нитей, и поползла, словно жук, среди огромных живых изгородей. Вскочив на ноги, Агата разбежалась и запрыгнула на самую высокую скульптуру – мускулистого принца, воздевшего меч высоко вверх. Она забралась на самую вершину меча из листьев и стала пинками разгонять окруживших её фей. Но вскоре их стало уже слишком много, и, когда они снова стали плевать блестящей паутиной, Агата разжала руки и рухнула в воду, в фонтан.

Открыв глаза, она обнаружила, что совершенно не намочена.

Должно быть, фонтан служил порталом, потому что она оказалась на улице, в хрустальном синем туннеле. Подняв голову, Агата застыла. Она стояла на одном конце узкого каменного моста, который вёл через густой туман в полуразрушенную башню на другой стороне озера. Моста между двумя школами.

Глаза жгло слезами. Софи! Она сможет спасти Софи!

– Агата!

Агата прищурилась и увидела, как из тумана выбегает её подруга.

– Софи!

Раскинув руки, девочки бежали навстречу по мосту, выкрикивая имена друг друга...

Вдруг они с размаху врезались в невидимый барьер и упали.

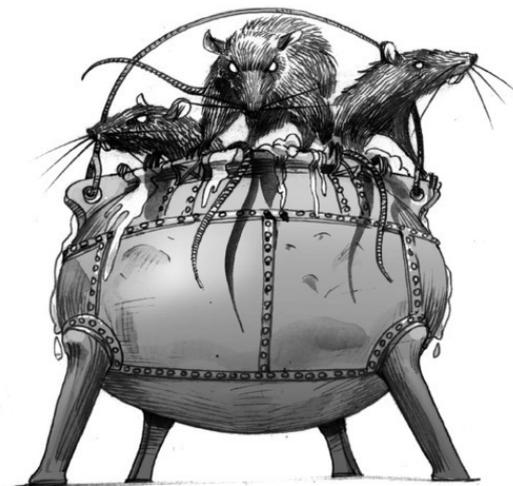
Ослеплённая болью, Агата с ужасом смотрела, как волки тащат Софи за волосы обратно в школу Зла.

– Вы не понимаете! – кричала Софи, видя, как феи опутывают Агату паутиной. – Это всё большая ошибка!

– *Здесь не бывает ошибок*, – прорычал волк.

Значит они всё-таки умели говорить.

4. Три ведьмы из комнаты 66

Софи не совсем понимала, почему её наказывали сразу шесть волков, а не один, но, наверное, для острастки остальных. Они привязали её к вертелу, засунули в рот яблоко и пронесли, словно главное блюдо для пира, по шести этажам башни Коварства. Ученики-новички, выстроившиеся вдоль стен, показывали на неё пальцами и смеялись, но потом, осознав, что кому-то из них придётся жить с этим чудищем в розовом в одной комнате, мрачно хмурились. Волки протащили Софи, которая лишь тихо всхлипывала, мимо комнат 63, 64 и 65, потом пинком открыли дверь в комнату 66 и швырнули внутрь. Софи, проскользив по полу, врезалась лицом в бородавчатую ногу.

– Говорила тебе, её нам отдадут, – послышался чей-то угрюмый голос.

Всё ещё привязанная к вертелу, Софи подняла голову и увидела высокую девочку с соляными чёрными волосами и красной прядью. Губы у неё были накрашены чёрной помадой, в носу кольцо, а вокруг шеи красовалась устрашающая татуировка в виде демона с красным черепом и оленьими рогами. Девочка недобро посмотрела на Софи.

– Она даже пахнет как всегдашник.

– Феи скоро её заберут, – произнёс ещё один голос с другой стороны комнаты.

Софи повернула голову и увидела девочку-альбиноску с призрачно-белыми волосами, бледной кожей и глубоко посаженными красными глазами; она кормила похлёбкой из котелка трёх чёрных крыс.

– Как жаль. Можно было бы перерезать ей горло и повесить в коридоре как украшение.

– Как грубо, – проговорила с кровати третья соседка, улыбчивая русоволосая девочка, круглая, как воздушный шар, державшая по шоколадному мороженому в обеих руках. – К тому же убивать других учеников запрещено правилами.

– Может быть, тогда просто изувечим её немножко? – спросила альбиноска.

– А по-моему, она даже интересная, – ответила толстушка, откусывая мороженое. – Не все злодеи обязательно вонючие и угрюмые.

– Она не злодейка, – хором ответили альбиноска и татуированная.

Выбравшись из пут, Софи вытянула шею и впервые смогла нормально разглядеть комнату. Когда-то, возможно, это было отличное, уютное жилище – до того, как его подожгли. Кирпичные стены обуглились. Потолок был весь в чёрных и коричневых подпалинах, а на полу лежал дюймовый слой пепла. Даже мебель казалась обожжённой. Но потом Софи обнаружила в комнате ещё более серьёзную проблему.

– Где зеркало? – ахнула она.

– Дай-ка я угадаю, – фыркнула татуированная девочка. – Ты Белла, или Ариэль, или Анастасия.

– Нет, скорее Лютик, или Леденец, или ещё как-то так, – возразила альбиноска.

– Или Кларабелль, или Краснозорька, или Плакучая Ива.

– Софи. – Софи встала, подняв облако сажи. – Меня зовут Софи. Я не «злодейка», не «ещё как-то так», и – да, мне явно не место здесь, так что...

Альбиноска и татуированная согнулись пополам от хохота.

– Софи! – воскликнула последняя. – Это даже хуже, чем мы могли представить!

– Любому существу по имени Софи не место здесь, – просипела альбиноска. – Они должны сидеть в клетках.

– Мне *место* в другой башне, – сказала Софи, пытаясь не опускаться до их язвительности, – и поэтому мне нужно срочно поговорить с Директором школы.

– «Мне нужно срочно поговорить с Директором школы», – передразнила альбиноска. – Может, выпрыгнешь из окна, и посмотрим, поймает ли он тебя?

– У вас вообще никаких хороших манер, – пробубнила толстушка с набитым ртом. – Я Дот. Это Эстер, – она показала на татуированную девочку. – А это солнышко, – продолжила она, ткнув пальцем в сторону альбиноски, – зовут Анадиль.

Анадиль сплюнула на пол.

– Добро пожаловать в комнату 66, – сказала Дот и смахнула пепел с единственной незанятой кровати.

Софи поёжилась, увидев потраченные молью простыни с подозрительными пятнами.

– Рада встрече, но мне действительно пора, – пробормотала она, отступая к двери. – Скажите, где кабинет Директора школы?

– Принцы, должно быть, так удивятся, увидев тебя, – сказала Дот. – Большинство злодеек не выглядят как принцессы.

– Она *не* злодейка, – простонали Анадиль и Эстер.

– Мне нужно записаться к нему на приём? – настаивала Софи. – Или отправить записку? Или...

– Можешь попробовать к нему долететь, – сказала Дот, доставая из кармана два шоколадных яйца. – Но стимфы могут тебя съесть.

– Стимфы? – переспросила Софи.

– Ну, те птицы, которые нас сюда скинули, милая, – ответила Дот, громко чавкая. – Тебе придётся пройти мимо них. А ты отлично знаешь, как они ненавидят злодеев.

– В последний раз говорю, – перебила Софи. – Я не злод...

На лестнице послышались какие-то звуки. Сладенькое позвякивание, такое изящное, такое деликатное, что это могли быть только...

Фей. Они идут за ней!

Софи едва сдержала крик. Она не рискнула говорить соседкам, что её вот-вот спасут (кто знает, насколько серьёзны они были, обещав сделать из неё украшение для коридора). Сделав ещё пару шагов в сторону двери, она стала прислушиваться к позвякиванию, которое становилось всё громче.

– Не знаю, почему все думают, что принцессы красивые, – сказала Эстер, ковыряя бородавку на большом пальце ноги. – У них такие маленькие носики. Как пуговки, которые так и хочется оторвать.

Фей на нашем этаже! Софи очень хотелось прыгать от радости. Как только она доберётся до замка Добра, она тут же устроит себе самое долгое купание в жизни!

– А волосы у них всегда такие длинные, – добавила Анадиль, держа за хвостик дохлую мышь – десерт для своих крыс. – Так и хочется их все повыдергать.

Уже совсем рядом...

– А эти фальшивые улыбочки, – сказала Эстер.

– И одержимость розовым цветом, – кивнула Анадиль.

Феи у соседней двери!

– Жду не дождусь, когда убью свою первую принцессу, – сказала Эстер.

– Да, сегодня неплохой день для этого, – согласилась Анадиль.

Они здесь! Софи переполняла радость: новая школа, новые друзья, новая жизнь!

Но феи пролетели мимо их комнаты.

Сердце Софи упало. Что произошло? Как они могли не заметить её? Она бросилась мимо Анадиль к двери, распахнула её и увидела перед собой волчью шерсть. Поражённая, Софи отскочила назад, и Эстер поспешно захлопнула дверь.

– Из-за тебя нас всех накажут, – прорычала Эстер.

– Но они были здесь! Они искали меня! – крикнула Софи.

– Ты уверена, что нам нельзя её убить? – спросила Анадиль, наблюдая, как крысы расправляются с мышью.

– Так из какого же леса тебя к нам занесло, дорогая? – спросила Дот у Софи, пережёвывая шоколадную лягушку.

– Я не из леса, – нетерпеливо ответила Софи, выглядывая через глазок.

Волки, несомненно, спугнули фей. Нужно поскорее вернуться на мост и найти их. Но сейчас в коридоре сидели три волка-стражника и ели из чугунных тарелок печёную репу.

Волки едят репу? Вилками?

Но репа была не единственной странностью на волчьих тарелках.

Феи таскали еду у зверей.

Софи поражённо раскрыла глаза.

Милый мальчик-фея поднял голову. «Он видит меня!» Сложив руки, Софи безмолвно сказала «Помогите!» через стекло. Мальчик-фея понимающе улыбнулся и шепнул что-то на ухо волку. Волк посмотрел на Софи и свирепым ударом лапы разбил глазок. Софи отшатнулась и услышала хор воздушных смешков и рычащего хохота.

Феи даже не собирались её спасать.

Софи задрожала всем телом, готовая разрыдаться. Потом услышала, как кто-то прокашлялся, и обернулась.

Все три девочки тарасились на неё с одинаковым недоумением на лицах.

– Что значит «ты не из леса»? – спросила Эстер.

Софи была не в том состоянии, чтобы отвечать на глупые вопросы, но эти тупицы сейчас были её единственной надеждой добраться до Директора школы.

– Я из Гавальдона, – сказала она, сдерживая слёзы. – Вы трое, похоже, немало знаете об этом месте, так что я буду очень рада, если вы расскажете мне, где...

– Это рядом с Шепчущими горами? – спросила Дот.

– В Шепчущих горах живут только никогдашники, дура, – проворчала Эстер.

– Спорим, это около Радужных ворот, – сказала Анадиль. – Все самые раздражающие всегдашники оттуда.

– Простите, я уже ничего не понимаю. – Софи нахмурилась. – Всегдашники? Никогдашники?

– А, ты из тех, кто всю жизнь в башне просидел, как Рапунцель, – протянула Анадиль. – Это всё объясняет.

– Всегдашниками мы называем тех, кто творит добро, милая, – объяснила Дот. – Ну, знаешь, вся вот эта чушь про то, что все *всегда* должны жить долго и счастливо.

– Значит, вы никогдашники? – спросила Софи, вспомнив колонны в зале с лестницами.

– Да, от слова «Никогда», – радостно ответила Эстер. – Это рай для злодеев. В Никогда у нас бесконечная власть.

– Мы контролируем время и пространство, – сказала Анадиль.

– Принимаем другие формы, – добавила Эстер.

– Расщепляем души.

– Побеждаем смерть.

– Но сюда попадают только самые отъявленные злодеи, – сказала Анадиль.

– А лучше всего, – добавила Эстер, – то, что в Никогда вообще больше никого нет. Каждый злодей получает своё личное царство.

– Вечное одиночество, – сказала Анадиль.

– Как-то это мучительно, – возразила Софи.

– Другие люди – вот это мучение, – ответила Эстер.

– Агате бы тут очень понравилось, – пробормотала Софи.

– Гавальдон... это возле холмов Пиффлпаф? – протянула Дот.

– Ой, да хватит уже, он не *возле* чего-то, – простила Софи и показала им своё расписание, где значилось «СОФИ ИЗ-ЗА ДАЛЬНОГО ЛЕСА». – Гавальдон – *за* лесом. Окружён им со всех сторон.

– *Из-за Дальнего леса?* – удивилась Эстер.

– Кто у вас король? – спросила Дот.

– У нас нет короля, – ответила Софи.

– Кто твоя мама? – спросила Анадиль.

– Она умерла.

– А отец? – спросила Дот.

– Мельник. Это, знаете, довольно-таки личные вопросы...

– А из какой он сказочной семьи? – спросила Анадиль.

– А этот вопрос вообще странный. Ни у кого нет никаких сказочных семей. Он из нормальной семьи с нормальными недостатками. Как и все ваши отцы.

– Я так и знала, – сказала Эстер, обращаясь к Анадиль.

– Что знала? – удивилась Софи.

– Такими глупыми бывают только Читатели, – ответила Анадиль.

К лицу Софи прилила кровь.

– Извините, конечно, но если я тут единственная, кто умеет читать, то глупая здесь явно не я, так что лучше посмотрите в зеркало, если, конечно, сможете его тут найти...

Читатель.

Почему здесь никто не тоскует по дому? Почему они все плыли через ров прямо к волкам вместо того, чтобы пытаться спастись? Почему никто не зовёт маму и не пытается сбежать от змей у ворот? Откуда они все знают столько об этой школе?

«Из какой он сказочной семьи?»

Взгляд Софи задержался на прикроватном столике Эстер. Рядом с засохшими цветами в вазе, свечкой в виде когтистой лапы и стопкой книг – «*Как перехитрить сирот*», «*Почему злодеи проигрывают*», «*Самые распространённые ошибки ведьм*» – стояла рифлёная деревянная рамка с неуклюжим детским рисунком: отвратительной ведьмой на пороге домика.

Домика из пряников и леденцов.

– Мама была такой наивной, – сказала Эстер и взяла в руки рамку. Её лицо исказилось гримасой, словно она вспомнила что-то неприятное. – Печь? Ой, да ладно. Надо было насадить их на вертел. Куда проще. – Она сжала зубы. – У меня выйдет лучше.

Софи перевела взгляд на Анадиль, и у неё похолодело в животе. В конце её любимой сказки ведьму посадили в бочку, утыканную гвоздями, и скатывали с холма, пока от неё не

остался лишь браслет из костей маленьких мальчиков. Именно этот браслет она увидела на запястье соседки по комнате.

– Разбирается в ведьмах, а? – ухмыльнулась Анадиль. – Бабушка была бы польщена.

Софи повернулась к плакату над кроватью Дот. Красивый мужчина в зелёной одежде кричал – к его голове неумолимо приближался топор палача.

РАЗЫСКИВАЕТСЯ

РОБИН ГУД –

живым или мёртвым (лучше мёртвым)

по приказу шерифа Ноттингема

– Папа обещал мне первый удар топором, – сказала Дот.

Софи в ужасе оглядела девочек.

Им не нужно читать сказки. Они сами из сказок.

Они родились, чтобы убивать.

– Принцесса, да ещё и *Читатель*, – сказала Эстер. – Хуже просто не бывает.

– Даже всегдашникам она не понадобилась, – добавила Анадиль. – Иначе феи бы уже за ней пришли.

– Но они должны прийти! – закричала Софи. – Я добрая!

– Ну, так или иначе, ты застряла здесь, дорогуша, – сказала Эстер, пиная подушку Софи. – Так что если хочешь выжить, лучше тебе попробовать вписаться в коллектив.

Вписаться в коллектив ведьм и людоедов!

– Нет! Послушайте! – взмолилась Софи. – Я добрая!

– Ты всё твердишь об этом. – Эстер схватила её за горло и прижала к подоконнику открытого окна. – Но где *доказательства*?

– Я дарила корсеты бездомным старухам! Я каждое воскресенье хожу в церковь! – завывала Софи, увидев, как высоко предстоит падать.

– М-м-м, что-то фея-крёстная не появляется, – протянула Эстер. – Попробуй ещё разок.

– Я дружу с детьми! Я пою для птичек! – захрипела Софи. – Мне нечем дышать!

– Прекрасный принц тоже не спешит тебя спасти, – сказала Анадиль, хватая её за ноги. –

Последний шанс.

– Я подружилась с ведьмой! Вот насколько я добрая!

– Феи так и не пришли, – Анадиль и Эстер переглянулись и подняли её высоко.

– Это ей здесь место, а не мне! – завизжала Софи...

– Никто не знает, зачем Директор школы тащит вас, бесполезных уродцев, в наш мир, – прошипела Эстер. – Но причина может быть только одна. Он *дурак*.

– Спроси Агату! Она всё объяснит! Это она злодейка!

– Знаешь, Анадиль, нам никто ещё не объяснял здешних правил, – задумчиво сказала Эстер.

– Так что нас не смогут наказать, если мы их нарушим, – ухмыльнулась Анадиль.

По-прежнему держа Софи, они высунулись из окна.

– Раз, – сказала Эстер.

– Нет! – заверещала Софи.

– Два...

– Хотите доказательств? Будут вам доказательства! – крикнула Софи.

– Три!

– *ПОСМОТРИТЕ НА СЕБЯ, А ПОТОМ НА МЕНЯ!*

Эстер и Анадиль затащили её обратно в комнату. Они поражённо переглянулись, потом уставились на Софи, которая сидела, сторбившись, на кровати, тяжело дыша и глотая слёзы.

– Говорила вам, она злодейка, – засмеялась Дот и облизнула ложку с помадкой.

В коридоре послышался какой-то шум, и девочки повернулись к двери. Та с грохотом распахнулась, в комнату ворвались три волка, схватили девочек за воротники и выпихнули в толпу учеников в чёрных мантиях. Ученики пихали и толкали друг друга, кто-то падал на пол и уже не мог встать. Софи изо всех сил ухватилась за стену.

– Куда мы идём?! – спросила она у Дот.

– В школу Добра! – ответила Дот. – На церемонию...

Мальчишка, весьма похожий на людоеда, отвесил ей пинка, и она качнулась вперёд.

В школу Добра! К Софи вновь вернулась надежда, и она последовала за ужасной толпой вниз по лестнице, поправляя розовое платье, чтобы произвести хоть сколько-нибудь хорошее впечатление при первой встрече с настоящими одноклассниками. Кто-то схватил её за руку и толкнул к перилам. Ошеломлённая, она подняла голову и увидела свирепого белого волка, который держал чёрную форму, пахнущую смертью. Он ощерил блестящие зубы.

– Нет... – ахнула Софи.

Но волк уже взял дело в свои лапы.

Принцессы в башне Безупречности должны были жить группами по трое, но Агата оказалась в комнате одна.

Розовая стеклянная лестница, украшенная резным изображением бесконечных волос Рапунцель, соединяла все пять этажей башни Безупречности. На двери комнаты Агаты на пятом этаже висел блестящий плакат, разрисованный сердечками: «Добро пожаловать, Рина, Миллисент, Агата!» Но Рина и Миллисент надолго не задержались. Рина, у которой была роскошная оливковая кожа и блестящие серые глаза, с трудом затащила в комнату свой огромный чемодан, но, едва увидев Агату, вытолкала его обратно в коридор.

– Она на вид такая злая, – услышала Агата её всхлипы. – Я не хочу умереть!

– Перебирайся ко мне, – сказала Беатрис. – Феи поймут.

И феи в самом деле поняли. Поняли они, и когда рыжеволосая Миллисент со вздёрнутым носиком и тонкими бровями притворилась, что боится высоты, и потребовала себе комнату на нижнем этаже. Так что Агата осталась одна и почувствовала себя как дома.

Комната, впрочем, вызывала у неё немалую тревогу. Огромные, украшенные драгоценными камнями зеркала пристально смотрели на неё с розовых стен. Роскошные фрески изображали прекрасных принцесс, целующих отважных принцев. Над каждой кроватью висел белый шёлковый полог в форме королевской кареты, а потолок был украшен облаками и улыбающимися амурчиками, выпускающими любовные стрелы. Агата отодвинулась от всего этого как можно дальше и спряталась в нишу под окном, прижавшись чёрным платьем к розовой стене.

Через окно она видела, как сверкающее озеро, окружавшее башни Добра, в середине превращается в грязь: дальше обитало Зло. Озеро-на-Полпути, называли его девочки. Далеко в тумане виднелся узкий каменный мостик, соединяющий две школы. Но всё это находится перед двумя башнями Добра. Что же прячется позади?

Агата, охваченная любопытством, выбралась на карниз, держась за стеклянную балку. Она посмотрела вниз, на башню Милосердия с её острым розовым шпилем – одно неверное движение, и всё пропало. Агата на цыпочках прошла к краю карниза, заглянула за угол и чуть не свалилась вниз от удивления. Школу Добра и Зла окружал огромный Синий лес. Деревья, кусты, цветы – все они были разных оттенков синего, от голубовато-ледяного до индиго. Пыш-

ная синяя роща уходила вдаль, соединяя дворы обеих школ, а за ней стояли стены с высокими золотыми воротами. За воротами лес снова становился зелёным и уходил далеко за горизонт.

Возвращаясь по карнизу обратно, Агата увидела что-то, что выросло прямо из Озера-на-Полпути. Оно стояло посередине, там, где блестящая вода превращалась в грязь. Через туман едва-едва виднелась высокая, узкая башенка из мерцающих серебряных кирпичей. Вокруг шпиля стаями вились феи, а на досках, спускавшихся от подножия башни прямо в воду, несли охрану волки с арбалетами.

Что они сторожат?

Агата прищурилась и взглянула на вершину башни, уходившей в небо, но разглядеть сумела лишь одно-единственное окно, окружённое облаками.

А потом на окно упал свет, и она увидела силуэт.

Ту самую кривую тень, которая их похитила.

Башмак соскользнул с карниза, и Агата покачнулась в сторону смертельно опасного шпиля башни Милосердия. Судорожно взмахнув рукой, она в последний момент успела схватиться за балку и упала обратно в комнату. Потирая ушибленную спину, Агата развернулась к окну, но тень уже исчезла из виду.

Сердце Агаты забилось чаще. Тот, кто принёс их сюда, живёт в той башне. Тот, кто живёт в башне, сможет исправить ошибку и отправить их домой.

Но сначала она должна спасти лучшую подругу.

Через несколько минут Агата отшатнулась от зеркала. Розовая форма без рукавов выставила напоказ части бледного, худого тела, которые никогда не видели света. Кружевной воротничок не скрывал сыпи, которая появлялась у неё на шее всякий раз, когда она тревожилась, от гвоздик на рукавах ей нестерпимо хотелось чихать, а розовые туфли на высоких каблуках раскачивались, словно ходули. Но эти отвратительные одеяния – единственный шанс сбежать отсюда. Её комната – в дальнем от лестницы конце коридора. Чтобы снова добраться до моста, нужно пройти по коридору незамеченной, а потом пройти на лестницу.

Агата стиснула зубы.

Нужно быть похожей на других.

Она глубоко вдохнула и приоткрыла дверь.

Пятьдесят красивых девочек в розовых передниках разгуливали по коридору, хихикая, шушукаясь, обмениваясь платьями, туфлями, сумочками, браслетами, кремами и всем прочим, что привезли с собой в гигантских чемоданах, а между ними сновали феи, безуспешно пытаясь выстроить девочек в шеренгу и отправиться на церемонию начала учебного года. Во всей этой суматохе Агата сумела разглядеть лестницу в конце коридора. Достаточно пройти туда уверенным шагом, и всё, поминай как звали. Но она не смогла двинуться с места.

Ей понадобилась вся жизнь, чтобы найти единственную подругу. А эти девочки сдружились буквально за несколько минут, словно находить друзей – самое простое дело в мире. Агата покраснела от стыда. Даже в школе Добра, где все должны быть добрыми и любящими, она всё равно осталась одна, и её все презирали. Она оставалась злодейкой везде, куда бы ни попадала.

Агата захлопнула дверь, сорвала с рукавов цветы, отломала розовые каблуки и вышвырнула их в окно вместе с туфельками, потом прислонилась к стене и закрыла глаза.

Заберите меня отсюда.

Открыв глаза, она увидела своё некрасивое лицо в богато украшенном зеркале. Но, прежде чем отвернуться, она успела заметить в отражении кое-что ещё. Одна из потолочных плиток с амурчиком была слегка сдвинута в сторону.

Агата снова надела жёсткие чёрные башмаки. Забравшись на балдахин, она сдвинула плитку и обнаружила за ней тёмную вентиляционную трубу. Агата схватилась за края отверстия и закинула в него одну ногу, потом вторую и в конце концов оказалась внутри узкой трубы.

Она ползла в темноте, нащупывая путь руками и коленями по холодному металлу... а потом металл вдруг превратился в воздух. На этот раз она уже не сумела спастись в последний момент.

Агата падала так быстро, что даже кричать не успевала – летела по трубам, жёлобам, вентилям, и в конце концов вылетела через решётку и, сделав сальто, приземлилась на бобовый стебель.

Она обхватила руками толстый зелёный стебель, радуясь, что уцелела. Но, оглядевшись, Агата поняла, что находится не в саду и не в лесу – в общем, не там, где обычно растут бобы. Она попала в тёмную комнату с высокими потолками, заполненную картинами, скульптурами и витринами. На дверях из матового стекла в углу комнаты золочёными буквами было написано:

МУЗЕЙ ДОБРА

Агата осторожно полезла вниз по бобовому стеблю, и в конце концов её башмаки коснулись мраморного пола.

На стене располагалась огромная фреска с панорамным видом на высокий замок из чистого золота. Под блестящей аркой шли под венец храбрый принц и прекрасная принцесса, а тысячи зевак звенели в колокольчики и радостно танцевали. Благословенная ярким солнцем, добродетельная пара целовалась, а сверху летали маленькие ангелочки, осыпая их красными и белыми розами. Ещё выше, над облаками, виднелась строчка из ярких золотых букв – от одного конца фрески до другого:

Долго и Счастливо

Агата скорчила гримасу. Она всегда смеялась над Софи за то, что та верила в «жили долго и счастливо». («Кто вообще хочет всё время быть счастливым?») Но, посмотрев на фреску, она вынуждена была признать, что в школе эту идею продвигают пугающе эффективным образом.

Она посмотрела на стеклянную витрину с тоненькой тетрадкой, исписанной аккуратным, витиеватым почерком. На табличке рядом с тетрадкой значилось: «Белоснежка – экзамен по умению говорить с животными (Летиция из Девичьей долины)». В других витринах она нашла голубой плащ мальчика, который стал принцем и женился на Золушке, подушку Красной Шапочки, дневник Девочки со спичками, пижаму Пиноккио и другие сувениры от лучших учеников, которых, судя по всему, после выпуска ждали свадьбы и дворцы. На стенах висели другие рисунки «Долго и счастливо» от выпускников, плакат «История школы», флаги, возвещающие о великих победах. Одна из стен была посвящена старостам класса, на ней висели их портреты. Чем дальше, тем темнее становилось в музее, и Агата зажгла лампу. Вот тогда она и увидела чучела животных.

Десятки туго набитых чучел смотрели на неё с розовых стен. Стряхнув пыль с табличек, она нашла Кота в сапогах, любимую крысу Золушки, корову, проданную Джеком... а рядом с ними – имена детей, которые оказались недостаточно хороши, чтобы стать героями, помощниками или слугами. Они уж точно не жили «долго и счастливо» – их уделом оказалось вечно висеть на стене музея. Агата почувствовала на себе зловещие взгляды стеклянных глаз и отвернулась. Лишь теперь она увидела, что и рядом с бобовым стеблем стоит табличка. «Холден из Радужных Ворот». Это несчастное растение когда-то было *мальчиком*.

У Агаты кровь застыла в жилах. Все эти сказки, в которые она никогда не верила, стали до боли реальны. За двести лет ни один похищенный ребёнок не вернулся обратно в Гавальдон. С чего она решила, что они с Софи станут первыми? Может быть, они вообще превратятся в воронов или розовые кусты?

А потом она вспомнила, что же отличает их от всех остальных.

Мы есть друг у друга.

Они должны работать вместе, чтобы разрушить это проклятие. Иначе они станут просто окаменелыми останками сказок.

Внимание Агаты привлекла ниша в углу комнаты – там висел целый ряд картин одного и того же художника, в туманных цветах, изображавших одну и ту же сцену: дети читают книги сказок. Подойдя поближе, она изумлённо раскрыла глаза, поняв, *откуда* все эти дети.

Это дети из Гавальдона.

Она прошла от первой картины до последней. Читающие дети сидели на фоне знакомых холмов и озера, возле покосившейся часовой башни и потрёпанной церквушки, даже в тени дома на Кладбищенском холме. Агата почувствовала резкий укол тоски по дому. Она смеялась над всеми этими детьми, считала, что они несут какую-то чушь. Но на самом деле они понимали то, чего не понимала она: грань между сказками и реальной жизнью в самом деле очень тонкая.

А потом она дошла до самой последней картины, совсем не похожей на остальные. На ней разъярённые дети кидали книги сказок в костёр на площади и смотрели, как они горят. Вокруг пылал тёмный лес, наполняя небо красным и чёрным дымом. По спине Агаты пробежал холодок.

Голоса. Она спряталась за огромной каретой-тыквой, ударившись головой о табличку – «Генрих из Нижнего леса». У Агаты перехватило дыхание.

В музей вошли два учителя – пожилая женщина в платье фиштаккового цвета с высоким воротником, расшитом переливающимися зелёными крылышками жуков, и другая, помоложе, в длинной фиолетовой мантии с заострёнными плечами. У учительницы в фиштакковом была старомодная пышная причёска, но седые волосы сочетались с блестящей кожей и спокойными карими глазами. Учительница в фиолетовом заплела чёрные волосы в длинную косу, глаза у неё были цвета аметиста, а под бледной кожей выпирали кости.

– Он лезет в сказки, Кларисса, – сказала женщина в фиолетовом.

– Директор школы не может управлять Сторианом, леди Лессо, – возразила Кларисса.

– Он на вашей стороне, и ты это знаешь, – вскипела леди Лессо.

– Он ни на чьей стороне... – Кларисса резко умолкла. Леди Лессо – тоже.

Агата увидела, на что они смотрят. На последнюю картину.

– Смотрю, ты дала приют очередным заблуждениям профессора Садера, – сказала леди Лессо.

– Это же *его* галерея, – вздохнула Кларисса.

Глаза леди Лессо вспыхнули. Картина волшебным образом оторвалась от стены и приземлилась за стеклянной витриной, в нескольких дюймах от головы Агаты.

– Вот почему они висят не в галерее *твоей* школы, – сказала Кларисса.

– Любой, кто верит в пророчество о Читателе, дурак, – прошипела леди Лессо. – В том числе и Директор школы.

– Директор школы должен защищать равновесие, – мягко сказала Кларисса. – А Читатели, по его мнению, являются частью этого равновесия. Пусть даже ты и я не способны этого понять.

– Равновесие! – фыркнула леди Лессо. – Почему же тогда зло не победило ни в одной сказке с тех пор, как он стал директором? Почему добро ни разу за двести лет не проиграло?

– Может быть, мои ученики просто лучше обучены, – ответила Кларисса.

Леди Лессо злобно взглянула на неё и отошла. Взмахом Кларисса вернула картину на прежнее место, а потом поспешила за собеседницей.

– Может быть, твой новый Читатель докажет, что ты не права, – сказала она.

Леди Лессо снова фыркнула.

– Я слышала, она носит *розовое*.

Агата услышала, как их шаги скрылись вдали.

Она посмотрела на картину с треснутой рамой. Дети, костёр, Гавальдон, сгорающий дотла. Что всё это значит?

Послышался звенящий шелест крыльев. Прежде чем она успела шевельнуться, в зал влетели феи-светлячки и начали прочёсывать каждый уголок, словно фонарики. В дальнем конце музея Агата увидела двери, через которые ушли учительницы. Когда феи добрались до кареты-тыквы, она бросилась бежать. Феи пискнули от неожиданности; она проскочила между чучелами трёх медведей, распахнула двери...

Одноклассницы, одетые в розовое, двумя стройными шеренгами шли по вестибюлю. Увидев, как они держатся за руки и хихикают, как лучшие подружки, Агата снова ощутила знакомый укол стыда. Тело упрашивало её снова закрыть дверь и спрятаться. Но на этот раз Агата думала не о друзьях, которых у неё нет, а о единственной подруге, которая всё же есть.

Через несколько мгновений в зал вылетели феи, но увидели лишь принцесс, направляющихся на церемонию начала учебного года. Пока они разозлённо кружили в поисках виноватых, Агата проскользнула в самую гущу розовых платьев, заставила себя улыбнуться... и стать похожей на других.

5. Мальчики всё портят

Театр Сказок был разделён на две половины, и для каждой школы предназначался свой вход. Западные двери вели в сектор для учеников школы Добра – с розовыми и голубыми скамейками, хрустальными фризами и блестящими стеклянными букетами. Пройдя через восточные двери, свои места занимали ученики школы Зла: здесь стояли кривые деревянные скамейки с резными изображениями убийств и пыток, а с закопчённого потолка свисали смертоносные сталактиты. Пока школьники рассаживались, ожидая начала церемонии открытия, феи и волки охраняли проход из серебряного мрамора, разделявший зал.

Несмотря на отвратительную новую форму, Софи не собиралась сидеть на половине школы Зла. Достаточно было взглянуть на ухоженные волосы, ослепительные улыбки и модные розовые платья девочек школы Добра, как Софи сразу стало ясно, что вот они, её сёстры по духу. Если уж феи не стали её спасать, то принцессы-то точно придут на выручку. Злодеи подталкивали её сзади; Софи отчаянно пыталась привлечь внимание девочек из школы Добра, но те даже не смотрели в её сторону. Наконец Софи удалось пробиться к самому проходу. Она замахала руками и открыла рот, чтобы закричать, но тут чья-то рука утащила её под прогнувшую скамью.

Агата крепко обняла её.

– Я нашла башню Директора школы! Она стоит во рве, её тщательно охраняют, но если мы сможем пробраться туда, то...

– Привет! Рада тебя видеть! Отдай мне свою одежду, – сказала Софи, разглядывая розовое платье Агаты.

– Э-э-э?

– Скорее! Это всё решит.

– Ты серьёзно? Софи, нам нельзя здесь оставаться.

– Именно, – улыбнулась Софи. – Я должна быть в твоей школе, а ты – в моей. Помнишь, как мы говорили?

– Но твой отец, моя мама, мой кот! – запротестовала Агата. – Ты даже не представляешь, что нас тут ждёт! Нас превратят в змей, или белок, или кусты! Софи, надо вернуться домой!

– Зачем? Ради чего мне возвращаться в Гавальдон? – спросила Софи.

Агата, явно уязвлённая, залилась краской.

– Ради... ну, ради...

– Правильно. Ради ничего. А теперь, пожалуйста, отдай моё *платье*.

Агата сложила руки на груди.

– Значит, я сама его заберу, – нахмурилась Софи.

Но, едва схватив Агату за цветастый рукав, она вдруг замерла. Навострив уши, Софи прислушалась, а потом бросилась вперёд, словно пантера. Она проползала под кривыми скамьями, уворачиваясь от ног злодеев, и, добравшись до последней скамьи, спряталась под ней.

Агата, немало раздражённая, последовала за ней.

– Не знаю, что на тебя нашло...

Софи зажала ей рот и прислушалась к звукам, которые становились всё громче. К звукам, заставившим выпрямиться всех девочек из школы Добра. К звукам, которые они мечтали слышать всю жизнь. Топот сапог и звон доносились из коридора...

Западная дверь распахнулась, и через неё вошли шестьдесят красивых мальчиков, сражавшихся на мечах.

Чуть загорелая кожа просвечивала через голубые рукава и накрахмаленные воротники; высокие сапоги, жилетки с высоким вырезом и тонкие галстуки с вышитыми золотом инициалами были одинакового тёмно-синего цвета. Когда мальчики играючи скрещивали мечи, их рубашки выбивались из обтягивающих бежевых брюк, демонстрируя тонкие талии и крепкие мышцы. Капельки пота блестели на лицах, когда они пошли по проходу, стуча сапогами по мраморному полу. А потом фехтовальный поединок закончился – одни мальчики прижали других спинами к скамьям и заставили сдать. Последним слаженным движением они достали из-под жилеток розы и с криками «Миледи!» бросили их самым привлекательным девочкам. (Беатрис досталось столько роз, что она вполне могла засадить ими целый сад.)

Агату, наблюдавшую за всем этим, начало подташнивать. Но потом она увидела Софи, которая сейчас, похоже, больше всего на свете хотела заполучить розу.

Злодеи на полусгнивших скамьях освистали принцев и вывесили баннеры – «ЗЛО РУЛИТ!», «ДОБРО – ОТСТОЙ!». (К хору не присоединился лишь Хорт, мальчишка с лицом хорька; он угрюмо сложил руки на груди и бормотал: «Почему у них отдельный торжественный выход?») Поклонившись, принцы послали злодеям воздушный поцелуй и уже приготовились занять свои места, но тут западные двери снова распахнулись...

И вошел ещё один принц.

Волосы – нимб из божественного золота, глаза синие, как безоблачное небо, кожа цвета горячего пустынного песка; его окружало благородное сияние, словно его кровь была чище, чем у всех остальных. Незнакомец посмотрел на хмурых, вооружённых мальчиков, выхватил свой меч... и широко улыбнулся.

На него накинута сразу сорок мальчишек, но он обезоружил всех по очереди, двигаясь быстро, словно молния. У его ног выросла целая куча мечей; он расшвыривал одноклассников, не получив даже царапины. Софи зачарованно разглядывала его. Агата надеялась, что рано или поздно он проткнёт себя насквозь. Но нет: юноша практически мгновенно справлялся с каждым новым соперником, а вышитая буква «Т» на синем галстуке поблёскивала с каждым взмахом меча. И, когда последний из принцев оказался обезоружен и стоял перед ним, ошеломлённый, он убрал меч и пожал плечами, словно говоря, что для него это ничего не значит. Но мальчики из школы Добра отлично понимали, что это значит. У принцев теперь есть король. (Даже у злодеев не нашлось повода его освистать.)

Девочки из школы Добра давно уже знали, что каждая настоящая принцесса найдёт себе принца, так что ссориться друг с другом нет причины. Но они обо всём забыли, когда золотой мальчик достал из рубашки розу. Все они вскочили, размахивая платочками и толкаясь, как гусыни у кормушки. Мальчик улыбнулся и подбросил розу высоко в воздух.

Агата слишком поздно заметила, как Софи бросилась вперёд. Она побежала за ней, но Софи уже была в проходе, потом перескочила розовые скамейки, потянулась за розой... но вместо неё схватилась за волчью морду.

Пока волк тащил Софи обратно на сторону Зла, она встретила взглядами с мальчиком; тот посмотрел на её красивое лицо, потом на ужасный чёрный балахон и озадаченно склонил голову. А потом он увидел взбудораженную Агату в розовом платье, свою розу на её раскрытой ладони, и поражённо отпрянул. Волк усадил Софи на стороне Зла, а феи увели Агату на её место в школе Добра; мальчик, широко раскрыв глаза, переводил взгляд с одной девочки на другую, пытаясь понять, что же происходит. Тут чья-то рука оттащила его на место.

– Привет. Я Беатрис, – сказала девушка, показав принцу все свои розы.

Даже сидя на стороне Зла, Софи всё равно пыталась привлечь его внимание.

– Превратись в зеркало. Тогда, может быть, у тебя будут шансы.

Софи повернулась к Эстер, сидевшей рядом с ней.

– Его зовут Тедрос, – объяснила ей соседка. – И он такой же напыщенный, как его папаша.

Софи уже собиралась спросить, как зовут его отца, но потом увидела его меч – ослепительного серебряного цвета с рукоятью, украшенной алмазами. Меч с гербом-львом, который она видела в сказках. Этот меч назывался Экскалибур.

– Он сын короля Артура? – выдохнула Софи.

Она разглядывала точёные скулы Тедроса, шелковистые светлые волосы, пухлые, нежные губы. Голубая рубашка обтягивала широкие плечи и сильные руки, он чуть ослабил галстук и расстегнул воротник. Тедрос казался таким спокойным и уверенным в себе, словно точно знал, что судьба на его стороне.

Софи не могла отвести от него глаз. Она поняла, что её судьба тоже решена.

Он мой.

И тут на неё кто-то сердито посмотрел с другой стороны прохода.

– Мы должны вернуться домой, – одними губами произнесла Агата.

– Добро пожаловать в школу Добра и Зла, – сказал кто-то со сцены.

Со своих мест на противоположных сторонах прохода Софи и Агата увидели огромного двухголового пса. Пёс расхаживал по серебристой каменной сцене с трещиной посередине. Одна голова, с седой шерстью, была бешеной, пускала слюни и явно принадлежала самцу. Другая же голова оказалась пушистой и доброй, со слабой челюстью, короткой шерсткой и певучим голосом. Никто не мог в точности сказать, самец эта голова или самка, но, так или иначе, похоже, именно она была главной.

– Я Поллукс, ведущий церемонии открытия учебного года, – сказала добрая голова.

– А Я КАСТОР, АССИСТЕНТ ВЕДУЩЕГО И ГЛАВНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬ НАКАЗАНИЙ ДЛЯ ТЕХ, КТО НАРУШАЕТ ПРАВИЛА ИЛИ ВЕДЁТ СЕБЯ КАК ОСЁЛ, – прогремела бешеная голова.

Кастора испугались все. Даже злодеи.

– Спасибо, Кастор, – сказал Поллукс. – Давайте-ка сначала напомним вам, почему вы здесь собрались. Все дети рождаются с душами, которые изначально либо добры, либо злы. Одни души чище, чем другие...

– А НЕКОТОРЫЕ ДУШИ ПРОСТО ОТВРАТИТЕЛЬНЫЕ! – рявкнул Кастор.

– Как я уже *сказал*, – продолжил Поллукс, – некоторые души чище, чем другие, но любая душа на фундаментальном уровне *или* добрая, *или* злая. Злые не могут сделать свою душу доброй, а добрые не могут сделать душу злой...

– ТАК ЧТО ВЫ НЕ МОЖЕТЕ ПЕРЕЙТИ НА ДРУГУЮ СТОРОНУ ПРОСТО ПОТОМУ, ЧТО ДОБРО ВСЕГДА ПОБЕЖДАЕТ, – прорычал Кастор.

Ученики школы Добра стали скандировать: «Всегда, всегда!» Ученики школы Зла отвечали: «Никогда, никогда!» В конце концов волки окатили всегдашников водой из ведёр, феи забросали никогдашников радугами, и лишь после этого все замолчали.

– Повторяю, – с нажимом сказал Поллукс, – злые не могут стать добрыми, а добрые – злыми, как бы вас ни убеждали и ни наказывали. Да, иногда вы можете чувствовать стремления и к тому, и к другому, но это лишь означает, что где-то в вашей родословной Добро и Зло образовали ядовитую смесь. Но здесь, в школе Добра и Зла, мы избавим вас от лишних сомнений, избавим от смятения и замешательства, попытаемся сделать вас как можно чище...

– А ЕСЛИ ВЫ ПРОВАЛИТЕСЬ, ТО ПРОИЗОЙДЁТ ЧТО-ТО ТАКОЕ УЖАСНОЕ, ЧТО Я ДАЖЕ СКАЗАТЬ НЕ МОГУ, НО ВАС ПОСЛЕ ЭТОГО БОЛЬШЕ НИКОГДА НЕ УВИДЯТ!

– Ещё раз, и в нос укушу! – воскликнул Поллукс.

Кастор уставился в пол.

– Никто из этих великолепных учеников не потерпит неудачи, я уверен. – Поллукс улыбнулся явно обрадованным детям.

– Ты каждый раз так говоришь, а потом кого-нибудь отчисляют, – пробормотал Кастор.

Софи вспомнила перепуганное лицо Бэйна на портрете и вздрогнула. Нужно как можно скорее перевестись в школу Добра.

– Каждый ребёнок в Бескрайних лесах мечтает попасть в нашу школу. Но Директор выбрал именно вас, – сказал Поллукс, оглядывая обе стороны зала. – Ибо он заглянул в ваши сердца и увидел нечто очень редкое. Чистое добро и чистое зло.

– Если мы такие чистые, то тогда что это такое?

Ехидный мальчик-блондин с острыми ушами, сидевший на стороне Зла, поднялся и показал на Софи.

Мускулистый парнишка со стороны Добра показал на Агату.

– У нас тоже есть такая!

– Наша пахнет цветами! – крикнул злодей.

– А наша съела фею!

– Наша слишком много улыбается!

– А наша пукнула кому-то прямо в лицо!

Софи в ужасе повернулась к Агате.

– Каждый год мы берём на обучение двух Читателей из-за Дальнего леса, – объявил Поллукс. – Они, может быть, знают наш мир только из книжек с картинками, но в правилах разбираются не хуже вашего. У них такие же таланты и цели, такой же потенциал. Многие Читатели были среди лучших наших учеников.

– Например, двести лет назад, – фыркнул Кастор.

– Они ничем не отличаются от всех остальных, – словно оправдываясь, сказал Поллукс.

– Но они выглядят не так, как мы, – прохрипел злодей с коричневой, маслянистой кожей.

Ученики обеих школ согласно зашумели. Софи пристально смотрела на Агату, словно говоря, что все проблемы можно решить, если они просто обменяются одеждой.

– Не сомневайтесь в выборе Директора школы, – сказал Поллукс. – Все вы должны *уважать* друг друга – неважно, добрые вы или злые, происходите из знаменитой сказочной семьи или из неудачливой, наследный принц вы или Читатель. Всех вас выбрали, чтобы сохранять равновесие между Добром и Злом. Ибо если этот баланс окажется нарушен... – его лицо помрачнело, – наш мир *погибнет*.

В зале воцарилась полная тишина. Агата скорчила гримасу. Меньше всего ей хотелось, чтобы этот мир погиб, пока они в нём живут.

Кастор поднял лапу.

– Что? – простонал Поллукс.

– Почему Зло больше не побеждает?

Поллукс, казалось, готов откусить ему голову прямо на месте, но было уже слишком поздно. Злодеи зашумели.

– Ага, если мы такие все уравновешенные, – крикнул Хорт, – почему мы всегда *умираем*?

– Нам никогда не дают хорошего оружия! – добавил ехидный мальчик.

– Наши подручные нас предают!

– У наших врагов всегда есть армия!

Эстер вскочила на ноги.

– Зло не побеждает уже *двести лет*!

Кастор попытался сдержаться, но его красная морда раздулась, как воздушный шарик.

– ДОБРО ЖУЛЬНИЧАЕТ!

После этих слов начался настоящий бунт. Никогдашники стали швыряться едой, ботинками и всем, что попадётся под руку, в перепуганных всегдашников...

Софи сжалась в комочек на скамье. Тедрос же не подумает, что она – из этих уродливых хулиганов, правильно? Выглянув из-за спинки, она увидела, что Тедрос смотрит прямо на неё. Софи покраснела и нырнула обратно.

Волки и феи накинулись на разгневанную толпу учеников, но на этот раз не помогли уже ни радуга, ни вода.

– Директор школы на их стороне! – кричала Эстер.

– У нас даже шансов нет! – завывал Хорт.

Ученики школы Зла прорвались через кордон фей и волков и уже готовы были взять штурмом скамьи школы Добра...

– Все потому, что вы тупые *обезьяны*!

Злодеи удивлённо уставились на сцену.

– А теперь сядьте, пока я вам всем не надавал тумаков! – заорал Поллукс.

Все расселись обратно без всяких возражений. (Не считая крыс Анадиль, которые шипели, выглядывая из её кармана.)

Поллукс хмуро посмотрел на злодеев.

– Может быть, если вы перестанете жаловаться, то из вас наконец-то получится кто-нибудь серьёзный! Но мы только и слышим от вас, что отговорки. Вы дали нам хоть одного приличного злодея после Великой войны? Хоть одного злодея, который может победить своего врага? Неудивительно, что Читатели прибывают сюда в таком смятении! Неудивительно, что они все хотят стать добрыми!

Софи увидела, что дети с обеих сторон прохода окидывают её сочувственными взглядами.

– Ученики, вас всех должно интересовать здесь только одно, – уже мягче сказал Поллукс. – Учитесь так хорошо, как можете. Лучшие из вас станут принцами и колдунами, рыцарями и ведьмами, королевами и чародеями...

– А ХУДШИЕ – ТРОЛЛЯМИ И СВИНЬЯМИ! – презрительно выплюнул Кастор.

Ученики с разных сторон посмотрели друг на друга, впервые осознавая, как высоки ставки.

– Итак, если никто больше не будет перебивать, – сказал Поллукс, свирепо глядя на брата, – давайте перейдём к правилам.

– Правило номер тринадцать. Вход на Мост-на-Полпути и крыши башен ученикам *запрещён*, – монотонно говорил Поллукс со сцены. – Горгульям приказано немедленно убивать нарушителей, а отличать учеников от нарушителей они так и не научились...

Софи всё это казалось невыносимо скучным, так что она давно перестала слушать и вместо этого разглядывала Тедроса. Она ещё никогда не видела такого *чистого* мальчика. От мальчишек в Гавальдоне пахло свиньями, они ходили с потрескавшимися губами, жёлтыми зубами

и грязными ногтями. А вот у Тедроса была потрясающая загорелая кожа, едва заметная щетина и ни единого пятнышка на лице! Даже после тяжёлой битвы на мечях ни волоска не выбилось из его причёски. Когда он облизывал губы, во рту блестели два ряда идеальных белых зубов. Софи увидела капельку пота, которая стекла у него по шее и исчезла под рубашкой. «*Чем он пахнет?* – Она закрыла глаза. – *Наверное, молодым деревцем, и...*»

Открыв глаза, она увидела, как Беатрис тайком обнюхивает волосы Тедроса.

С этой девчонкой надо разобраться, и поскорее.

На платье Софи упала птица с оторванной головой. Она вскочила на скамью, визжа и потрясая лапами балахона, пока дохлая канарейка не упала на пол. Узнав птицу, она нахмурилась – а потом заметила, что на неё уставился весь зал. Сделав самый учтивый книксен, она села обратно на скамейку.

– Как я уже говорил... – раздражённо сказал Поллукс.

Софи повернулась к Агате.

«Что?» – безмолвно спросила она.

«Нам надо встретиться», – так же, одними губами, ответила Агата.

«Моя *одежда*», – неслышно проговорила Софи и повернулась обратно к сцене.

Эстер и Анадиль посмотрели на обезглавленную птичку, потом на Агату.

– Она нам нравится, – заметила Анадиль, и крысы согласно запищали.

– В первый год обучения вы будете проходить обязательную программу, которая подготавливает вас к трём главным экзаменам: Испытанию Сказкой, Вечеру Талантов и Снежному балу, – прорычал Кастор. – После первого курса вас разделят на три группы. Первая – злодеи и герои, вторая – Последователи, приспешники и помощники, а третья – могрифы, это те, кому предстоит перевоплощение.

– Следующие два курса герои будут готовиться к сражению с будущими главными врагами, – продолжил Поллукс. – Последователи – отрабатывать навыки, необходимые для помощи будущим лидерам. А могрифы – адаптироваться к своему новому облику и учиться выживать в коварном лесу. Наконец, после третьего курса будут составлены команды из лидеров, последователей и могрифов, и вы все отправитесь в Бескрайние леса, чтобы начать своё путешествие...

Софи пыталась внимательно слушать, но не могла – Беатрис уже разве что на коленях у Тедроса не сидела. Разозлившись, Софи стала ковырять пальцами блестящий серебристый герб в виде лебедя, вышитый на её воночем балахоне, – пожалуй, единственное достоинство этих одеяний.

– Теперь – о вашем будущем распределении. В школе Добра и Зла не ставят «оценок», – сказал Поллукс. – Вместо этого после каждого теста или испытания будет составляться рейтинг класса, так что вы будете точно знать, на каком месте находитесь. В каждой школе – по сто двадцать учеников, и для занятий мы разделили вас на шесть групп по двадцать человек. После каждого испытания мы будем расставлять вас по местам, от первого до двадцатого. Если вы постоянно будете в первой пятёрке своей группы, то станете лидером. Если займёте места в середине, вас отправят учиться на приспешников. Ну а если ваш рейтинг постоянно ниже тринадцатого места, то вам больше всего подойдёт роль могрифа – либо растения, либо животного.

Ученики по обе стороны от прохода стали шушукаться, делая ставки, кого превратят в дерево тумбо.

– Должен добавить: любой, кто трижды подряд займёт двадцатое место, будет немедленно отчислен, – серьёзно сказал Поллукс. – Как я уже говорил, для того, чтобы занять последнее место три раза подряд, требуется настолько исключительная некомпетентность, что я совершенно уверен: это правило не придётся применять ни к кому из вас.

Многие никогдашники недвусмысленно посмотрели на Софи.

– Когда меня отправят туда, где мне самое место, вы почувствуете себя дураками, – ответила Софи на эти взгляды.

– Ваш герб-лебедь будет всегда виден у вас над сердцем, – продолжил Поллукс. – Любая попытка спрятать или убрать его, скорее всего, приведёт к травмам или весьма неловким ситуациям, так что, пожалуйста, даже не пытайтесь.

Озадаченная Софи увидела, что ученики с обеих сторон сразу же попытались прикрыть блестящих серебряных лебедей на форме. Подражая им, она прикрыла своего лебедя обвисшим рукавом; герб тут же исчез с балахона и появился у неё на груди. Поражённая, она провела пальцем по лебедю – но стереть его не получилось, он вьелся в кожу, словно татуировка. Софи убрала рукав, и лебедь исчез с кожи и вернулся обратно на балахон. Софи нахмурилась. Хорошего мало.

– Далее. Театр Сказок в этом году находится в школе Добра, так что учеников школы Зла будут приводить сюда на все совместные школьные мероприятия, – сказал Поллукс. – В остальное время вы должны оставаться на территории своих школ.

– Почему Театр находится в школе Добра? – крикнула Дот, набив рот помадками.

Поллукс задрал нос.

– Театр получает та школа, которая выигрывает Вечер Талантов.

– А школа Добра не проиграла ни одного Вечера Талантов, ни одного Испытания Сказкой, да и, если подумать, вообще ни одного межшкольного соревнования за последние *двести лет*, – проворчал Кастор.

Никогдашники снова недовольно зашумели.

– Но школа Добра так *далеко* от школы Зла! – надулась Дот.

– И кое-кто не хочет идти туда пешком, – пробормотала Софи.

Дот услышала и сердито взглянула на неё. Софи отругала себя. Единственный человек, который нормально к ней отнёсся, а она всё испортила.

Поллукс, игнорируя ропот никогдашников, продолжил монотонно рассказывать про отбой. Половина учеников начала клевать носом. Тут Рина подняла руку.

– А комнаты Красоты уже открыты?

Всегдашники вдруг оживились.

– Я планировал обсудить комнаты Красоты на следующем собрании... – начал Поллукс.

– Правда ли, что ими можно пользоваться не всем ученикам? – спросила Миллисент.

Поллукс вздохнул.

– Комнаты Красоты в башнях Добра доступны только тем ученикам, которые находятся в верхней части рейтинга. Рейтинговые списки будут висеть на дверях комнат Красоты и по всему замку. Пожалуйста, не злитесь на Албемарля, если он будет развешивать их с опозданием. Теперь поговорим об отбое...

– Что такое комнаты Красоты? – шёпотом спросила Софи у Эстер.

– В них всегдашники прихорашиваются, позируют и делают причёски, – Эстер даже вздрогнула.

Софи вскочила с места.

– А у нас есть комнаты Красоты?

Поллукс скривил губы.

– У никогдашников есть комнаты Страх, дорогая.

– И там делают причёски? – просияла Софи.

– Там избивают и пытаются, – сказал Поллукс.

Софи села на место.

– Итак, отбой...

– А как можно стать старостой класса? – спросила Эстер. И вопрос, и высокомерный тон, которым он был задан, сразу же настроил всех – и всегдашников, и никогдашников – против неё.

– Если вас застукают после отбоя, я не виноват! – простионал Поллукс. – Хорошо. После Испытания Сказкой лучшего ученика каждой из школ назначат старостой. У этих двух учеников будут особые привилегии – частные уроки с некоторыми профессорами, экскурсии в Бескрайние леса, мастер-классы со знаменитыми героями и злодеями. Как вы знаете, наши старосты стали величайшими легендами Бескрайних лесов.

Ученики по обе стороны возбуждённо зашумели, а Софи скрежетала зубами. Она знала: если её переведут в правильную школу, то она не просто выбьется в старосты школы Добра, но и станет легендарнее, чем Белоснежка!

– В этом году у вас будет шесть обязательных предметов, – продолжил Поллукс. – Седьмой предмет, выживание в сказках, общий для школ Добра и Зла и будет проходить в Синем лесу за школой. Также попрошу отметить: наука прекрасного и этикет – только для девочек из школы Добра, у мальчиков вместо этого будут уроки рыцарства и привлекательности.

Агата пришла в себя от ступора. Если у неё до этого и не было достаточно причин для побега, то сама мысль о науке прекрасного стала последней каплей. Им нужно бежать отсюда *сегодня же*. Она повернулась к миловидной девочке с узкими карими глазами и короткими чёрными волосами, которая красила губы, глядясь в карманное зеркальце.

– Одолжишь помаду?

Девочка посмотрела на бледные, растрескавшиеся губы Агаты и поспешно сунула ей в руки тюбик.

– Можешь оставить себе.

– Завтрак и ужин будут проходить в ваших школьных столовых, но вот обедаете вы вместе, на Большой Полянке, – проворчал Кастор. – Ну, конечно, если вы достаточно *зрелые* для такой привилегии.

Сердце Софи колотилось. Если обе школы обедают вместе, то завтра она сможет впервые поговорить с Тедросом. Что ему сказать? И как избавиться от этой ужасной Беатрис?

– Выход в Бескрайние леса для учеников-первогодок запрещён, – сказал Поллукс. – И, хотя самые большие любители приключений среди вас, безусловно, всё равно нас не послушают, позвольте мне напомнить самое важное правило из всех. То, которое будет стоять вам жизни, если вы его нарушите.

Софи внимательно прислушалась.

– *Никогда не ходите в лес после заката*, – проговорил Поллукс.

На его морду вернулась милая улыбка.

– Можете вернуться в свои школы! Ужин – ровно в семь часов!

Вставая вместе с никогдашниками и прокручивая в голове встречу с Тедросом на обеде, Софи услышала громкий голос:

– Как можно встретиться с Директором школы?

В зале стало очень тихо. Ученики изумлённо повернули головы на голос.

Агата стояла в проходе одна, не сводя взгляда с Кастора и Поллукса.

Двухголовый пёс прыгнул со сцены и приземлился всего в футах от Агаты, обдав слюнями. Обе головы посмотрели прямо в глаза Агате с одинаково свирепым выражением. Даже неясно было, кто из них кто.

– *Никак*, – прорычали они вместе.

Феи потащили упирающуюся Агату к восточной двери; на мгновение она оказалась рядом с Софи и протянула ей розовый лепесток с наспех написанным губной помадой посланием: «МОСТ, 9 ВЕЧЕРА».

Но Софи его не увидела. Она не сводила глаз с Тедроса, словно охотница, выслеживающая добычу, до тех пор, пока никогдашники не вытолкали её из зала.

В этот самый момент Агата поняла, насколько же серьёзна проблема – та самая, которая преследовала их с самого начала. Девочек тащили в противоположные башни, и стало совершенно ясно, что и желания у них прямо противоположные. Агата хотела вернуть свою единственную подругу. Но вот для Софи подруги было недостаточно. Софи всегда хотела чего-то большего.

Софи нужен был принц.

6. Настоящая злодейка

На следующее утро пятьдесят принцесс носились сломя голову по пятому этажу, словно невесты в день свадьбы. В первый день занятий они хотели произвести наилучшее впечатление на учителей, мальчиков и всех остальных, кто мог помочь им жить долго и счастливо. Одетые в халаты с блестящими гербами-лебедями, они сновали по комнатам, крася губы и ногти и причёсываясь, а запах духов стоял такой, что феи теряли сознание, и пол был усыпан их тельцами, словно дохлыми мухами. Впрочем, одеваться никто не спешил, и когда часы пробили восемь утра, возвещая о начале завтрака, ещё ни одна девочка не надела школьную форму.

– От завтрака всё равно толстеют, – беспечно сказала Беатрис.

Рина высунула голову в коридор.

– Кто-нибудь видел мои панталоны?

Агата уж точно не видела. Она уже летела вниз по тёмной трубе, пытаясь вспомнить, как впервые нашла Мост-на-Полпути. *От башни Чести к Приюту Гензеля, а оттуда к Мастерской Мерлина...*

Приземлившись на бобовый стебель, она пробралась по полутёмной галерее Добра к дверям возле чучел трёх медведей. *Или от башни Чести к гостиной Золушки...* Всё ещё раздумывая над маршрутом, она открыла двери в зал с лестницами и тут же отскочила в сторону. В огромном стеклянном холле стоял гул голосов – здесь перед уроками собрались все преподаватели. Нимфы с неоновыми волосами в розовых платьях, белых вуалях и голубых кружевных перчатках летали по залу, подливая чай в чашки, покрывая печенье глазурью и сгоняя фей с кубиков сахара. Агата выглянула из-за дверей, ища взглядом лестницу с надписью «Честь», освещённую высокими витражными окнами. Она была в противоположном конце зала. Как незаметно пробраться через такую толпу?

Что-то царапнуло её по ноге; повернувшись, она увидела мышь, которая нахально грызла её нижнюю юбку. Агата пинком отшвырнула мышь, и та угодила прямо в когти чучела кота. Мышь пронзительно запищала, но потом поняла, что кот не живой. Сердито посмотрев на Агату, она убежала обратно в дырку в стене.

«Даже местные вредители и то меня ненавидят», – вздохнула она, ощупывая юбку. Пальцы задержались на разорванном белом кружеве. Может быть, и не стоило так плохо обходиться с этой мышью...

Через несколько мгновений по залу уже семенила миниатюрная нимфа в потрёпанной кружевной вуали, направляясь к лестнице в башню Чести. К сожалению, под вуалью Агата ничего не видела и наткнулась на нимфу, которая, отшатнувшись, врезалась в учительницу.

– О небо и святая Мария! – простонала Кларисса, пролив чай с черносливом. Пока встревоженные учителя промокали её платье, Агата спряталась под лестницей, ведущей в башню Милосердия.

– Эти нимфы слишком высокие, – пожаловалась Кларисса. – В следующий раз, наверное, они какую-нибудь башню собьют!

К тому времени Агата уже пробралась в башню Чести и дошла до Приюта Гензеля, крыла первого этажа, где стены всех классов были сделаны из сладостей. Была там комната со стенами из блестящих леденцовых палочек и кристаллического сахара, сверкавшая, как соляной прииск. Другой класс был весь из жевательного зефира, со стульями из белой помадки и партами из имбирных пряников. Нашлась даже комната, полностью сделанная из радужных леденцов. Агата удивилась, как вообще эти классы остаются целыми, а затем увидела надпись на стене коридора, выполненную из вишнёвых жвачек:

Искушение – путь ко Злу

Агата сжевала половину жвачек, прежде чем её спугнули двое учителей; они с любопытством взглянули на её вуаль, но останавливать не стали.

– Должно быть, у неё прыщи, – услышала она шёпот одного из учителей, взбегая по лестнице (впрочем, она успела стащить карамельную дверную ручку и коврик из ирисок с надписью «Добро пожаловать» – отличное добавление к райскому завтраку).

Убегая вчера от фей, Агата попала в топиарий на крыше практически случайно. Сегодня же она смогла оценить мастерскую Мерлина, как это место называлось на школьной карте, во всём его великолепии: с помощью потрясающих фигурных кустов рассказывалась легенда о короле Артуре. Каждый куст изображал сцену из жизни короля: вот Артур достаёт меч из камня, вот сидит с рыцарями за Круглым столом, вот у свадебного алтаря с Гвиневрой...

Агата вспомнила самодовольного мальчишку из Театра – якобы сына короля Артура. Как он мог увидеть это и не задохнуться от ужаса? Как он переживёт все эти сравнения и ожидания? По крайней мере, у него было несомненное преимущество – красота. «*А если бы он выглядел как я?*» – фыркнула она. – *Его бы сразу после рождения оставили в лесу.*

Последняя композиция изображала пруд и огромную статую Артура, который получал Экскалибур из рук Леди Озера. На этот раз Агата точно знала, что делает: прыгнув в фонтан, она провалилась в секретный портал и, совершенно сухая, оказалась на Мосту-на-Полпути.

Она торопливо пошла к центру моста, где начинался туман, вытянув вперёд руки на случай, если барьер начинался раньше, чем ей припоминалось. Но, войдя в дымку, Агата ничего не нащупала и сделала ещё несколько шагов вперёд. *Его нет!* Агата бросилась бежать, ветер срывал вуаль с её лица...

БАМ! Она отшатнулась и зашипела от боли. Похоже, барьер перемещался, как ему заблагорассудится.

Стараясь не смотреть на своё отражение, она коснулась невидимой стены. Та оказалась холодной и твёрдой. И вдруг она заметила в тумане движение – из ворот школы Зла на мост вышли двое. Агата застыла. Она не успеет вернуться обратно в школу Добра, а на мосту спрятаться негде...

Два учителя, приятный профессор из школы Добра, улыбавшийся ей вчера, и учитель Зла с бородавками на обеих щеках, спокойно прошли через барьер. Агата повисла на парапете, высоко над грязным рвом, а потом выглянула за край. Два учителя уже почти вышли из тумана, но тут учитель из школы Добра оглянулся назад и улыбнулся. Агата спряталась обратно.

– Что такое, Август? – спросил учитель Зла.

– Глаза меня обманывают, – усмехнулся другой учитель, проходя в башню.

«*Точно чокнутый!*», – подумала Агата.

Через несколько мгновений она снова встала перед невидимой стеной. Как они прошли? Она попыталась нащупать край, но безуспешно. Пнула стену, но только ногу ушибла – та оказалась твёрдой, словно стальная. Глянув в сторону школы Зла, Агата увидела, как волки ведут учеников вниз по лестнице. Если туман хоть чуть-чуть рассеется, её увидят все. В последний раз толкнув стену ногой, она направилась к школе Добра.

– И не возвращайся!

Агата резко развернулась, чтобы посмотреть, кто же говорит, но увидела лишь собственное отражение в барьере, скрестившее руки на груди, и отвела глаза. *«Теперь я ещё и слышу голоса. Ну прекрасно».*

Тут она заметила, что её-то руки висят по сторонам, и повернулась обратно к своему отражению.

– Это ты говоришь?

Отражение прокашлялось:

*Добро с добром,
Зло со злом,
Иди в свою башню, или достанется поделом.*

– М-м-м, мне надо пройти, – сказала Агата, не поднимая глаз.

*Добро с добром,
Зло со злом,
Иди в свою башню, или сильно достанется поделом, то есть тебе придётся мыть посуду после ужина, или тебя лишат доступа в комнаты Красоты, или вообще и то, и другое, если меня послушают.*

– Мне нужно повидаться с подругой, – настаивала Агата.

– У Добра нет друзей на другой стороне, – сказала её отражение.

Агата услышала сахарный звон и, обернувшись, увидела у подножия моста фей. Как ей обхитрить саму себя? Как найти изъясн в собственной защите?

Добро с добром, Зло со злом...

И её осенило.

– А у тебя? – спросила Агата, по-прежнему не смотря на своего зеркального двойника. – У тебя есть друзья?

Отражение напряглось.

– Не знаю. Есть ли?

Агата стиснула зубы и посмотрела в глаза самой себе.

– Ты слишком уродливая, чтобы у тебя были друзья.

Её отражение погрузнело.

– *Настоящая злодейка*, – произнесло оно и исчезло.

Агата протянула руку и коснулась барьера. Рука прошла сквозь.

К тому времени, как патруль фей добрался до середины моста, туман уже скрыл следы Агаты.

Едва шагнув на территорию школы Зла, Агата почувствовала, что здесь ей самое место. Спрятавшись в холле за статуей лысой, тощей ведьмы, продуваемом всеми ветрами, она оглядела потрескавшийся потолок, опалённые стены, витые лестницы, полутёмные залы... Она даже сама не смогла бы придумать лучше.

Убедившись, что на горизонте нет волков, Агата прошмыгнула по главному коридору, разглядывая портреты выпускников никогдашников. Злодеи всегда казались ей интереснее героев. У них были амбиции, *страсть*. Благодаря ним, собственно, и случались все истории. Злодеи не боялись смерти. Нет, они надевали смерть, словно доспехи! Вдохнув кладбищенский запах школы Зла, Агата почувствовала, что у неё даже кровь быстрее побежала в жилах. Ибо, как и всех злодеев, смерть не пугала её. Смерть придавала ей *жизни*.

Услышав чьи-то разговоры, Агата спряталась за стеной. На лестнице, ведущей в башню Предательства, появился волк, сопровождавший группу девочек-никогдашниц. Те оживлённо обсуждали первые уроки – «Приспешники», «Проклятия», «Наука уродства». Пожалуй, уродливее них было никого не найти. Агата покраснела от стыда. Увидев землистую кожу и отвратительные лица, она поняла, что идеально сюда впишется. Даже их старомодные чёрные балахоны были такими же, как она носила дома. Но между ней и никогдашниками было важное различие. Их рты искривляли горькие ухмылки, взгляды были полны ненависти, а кулаки сжаты от едва сдерживаемой ярости. Они выглядели отъявленными злодеями, а Агата не считала себя отъявленной злодейкой. Но потом она вспомнила слова Софи.

«Те, кто не такие, как все, обычно оказываются злыми».

К её горлу подкатил ком.

Вот почему тень не похитила второго ребёнка.

Я и есть второй ребёнок.

В глазах защипало от слёз. Она не хочет быть такой же, как эти дети! Не хочет становиться злодейкой! Она просто хочет найти подругу и вернуться домой!

Не представляя даже, где искать, Агата поднялась по лестнице с надписью «Обман» на площадку, от которой расходились две узкие каменные дорожки. Услышав голоса слева, она побежала направо, по короткому коридору, который вёл в тупик. Голоса приближались; Агата прижалась к стене, и за спиной вдруг что-то скрипнуло. Это оказалась не стена, а перепачканная дверь. Рукавом платья она стёрла полоску пепла и увидела красные буквы:

МУЗЕЙ ЗЛА

Внутри было темно, хоть глаз выколи. Закашлявшись от затхлого запаха, Агата зажгла спичку. Музей Добра был идеально чистым и огромным, а вот все достижения Зла умещались в полузабытый чулан для метел – неудивительно, учитывая, что последние двести лет они только проигрывали. Агата увидела выцветшую форму мальчика, который стал Румпельштильцхеном, доклад «Мораль убийцы» безмянной будущей ведьмы, несколько чучел ворон, которые висели на осыпающихся стенах, и гнилую лозу с шипами, ослепившую знаменитого принца; рядом с ней висела табличка «Вера из-за Дальнего леса». Агата видела в Гавальдоне это лицо на плакате «Пропал ребёнок».

Агата вздрогнула, потом, заметив на стене цветные пятна, поднесла к ним зажжённую спичку. То была часть фрески, похожей на «Долго и счастливо» в музее Добра. На каждой из восьми панелей были изображены злодеи в чёрных балахонах, наслаждавшиеся бесконечной властью: они летали через огонь, превращались в зверей и птиц, расщепляли души, манипулировали пространством и временем. В верхней части фрески, от первой панели до последней, тянулись гигантские огненные буквы:

НИКОГДА

Всегдашники мечтали о любви и счастье, а вот никогдашники стремились к миру одиночества и власти. Зловещие видения заставили её сердце затрепетать, и Агата осознала поразительную правду.

Я – никогдашница.

А её лучшая подруга – всегдашница. И если они не вернутся домой как можно скорее, Софи всё поймёт. Здесь им дружить нельзя.

Она увидела длинную морду, отбросившую тень в свете её спички. Потом две морды. Три. Волки приготовились к прыжку, но Агата, развернувшись, набросила им на глаза лозу с шипами. Хищники зарычали от неожиданности и отшатнулись, и она бросилась к двери. Тяжело дыша, она бросилась вниз по коридору, поднялась по лестнице и в конце концов оказалась на втором этаже башни Коварства, ища взглядом имя Софи на дверях комнат. «Векс и Броун», «Хорт и Раван», «Флинт и Титан»... *Это же этаж мальчиков!*

Услышав, как открывается дверь, она выбежала на чёрную лестницу и поднялась на чердак, заставленный мутными флаконами с лягушачьими лапками, ящерицыными хвостами и собачьими языками. (Мама была права. Кто знает, сколько лет этим запасам?) По ступенькам раздалась шаги волка...

Агата выбралась из окна чердака на высокую крышу и уцепилась за водосточный жёлоб. В чёрных тучах грохотали раскаты грома, а вот башни Добра на другой стороне озера купались в солнечном свете. Её розовое платье тут же промокло. Она проводила взглядом длинный, извилистый жёлоб; дождевая вода выливалась через рты трёх горгулий, державших на себе медные балки. Это её единственная надежда. Она забралась в жёлоб, с трудом держась за скользкие перила, и обернулась к окну, ожидая увидеть белого волка...

Но волк за ней не пошёл. Он смотрел на неё из окна, сложив лапы на красном мундире.

– Есть, знаешь ли, вещи и похуже волков.

Он ушёл, оставив её в полном недоумении.

Что? Что может быть хуже...

Что-то двинулось под проливным дождём.

Агата прикрыла глаза ладонью и вгляделась в блестящую дымку. Первая горгулья зевнула и расправила драконьи крылья. Затем вторая горгулья, с головой змеи и телом льва, тоже взмахнула крыльями; треск был громким, как выстрел. У третьей горгульи, вдвое крупнее остальных, с рогатой головой демона, туловищем человека и шипастым хвостом, размах крыльев оказался шире самой башни.

Агата побелела. *«Горгульи! Что пёс говорил о горгульях?»*

Они повернули головы со свирепыми красными глазами, и Агата вспомнила.

Приказано немедленно убивать нарушителей.

Пронзительно визжа, они спрыгнули с насестов. Без их поддержки жёлоб обвалился, и Агата с криком рухнула в воду. Бурный поток нёс её по крутым поворотам и резко бросал вниз. Две горгульи спикировали к ней, и она в последний момент увернулась, откатившись к краю жёлоба. Третья горгулья, рогатый демон, взлетела высоко вверх и выдохнула из носа огонь. Агата схватилась за перила, и огненный шар пробил огромную дыру в жёлобе прямо перед ней; она едва успела затормозить, чтобы не упасть вниз. Она почувствовала сокрушительный удар в спину; горгулья с драконьими крыльями схватила её острыми когтями за ногу и подняла высоко в воздух.

– Я ученица! – закричала Агата.

Горгулья так удивилась, что даже выпустила её из лап.

– Видишь? – крикнула Агата, показывая себе на лицо. – Я *никогдашница!*

Горгулья нагнулась, внимательно её разглядывая.

А потом схватила за горло – это, очевидно, означало «не верю».

Агата завизжала и ударила ногой по прожжённому жёлобу; в глаза чудовищу брызнула вода. Горгулья оступилась, хватая воздух когтями, выпала в дыру и разбила крыло о перила балкона нижнего этажа. Агата изо всех сил держалась за перила, борясь с ужасной болью в ноге. Через завесу воды она увидела, что приближается ещё одна горгулья, с головой змеи. Пронзительно крича, она накинулась на Агату и подняла её высоко в воздух. Горгулья уже раскрыла огромный рот, чтобы съесть её, но Агата ударила монстра ногой по зубам; тяжёлые

чёрные башмаки переломили их, словно спички. Ошеломлённая горгулья ослабила хватку. Агата приземлилась обратно в жёлоб и схватилась за перила.

– *Помогите!* – закричала девочка. Если ей удастся продержаться, кто-нибудь обязательно услышит и спасёт её. – *Помоги-и-и...*

Её руки соскользнули. Отчаянно пытаясь затормозить, она неслась вниз по жёлобу, у конца которого уже ждала самая большая горгулья, рогатая, словно дьявол, раскрыв пасть, похожую на адский туннель. Агата хваталась руками и отплёвывалась, но вода неумолимо толкала её всё дальше. Посмотрев вниз, она увидела, что горгулья снова выдохнула огонь из носа, и он понёсся вверх по трубе. Агата нырнула под воду, чтобы не сгореть заживо, и вынырнула на самом краю, схватившись за перила. Следующий поток дождя отправит её прямо в пасть горгульи.

А потом она вспомнила, как горгульи выглядели, когда ещё держали жёлоб на плечах: дождевая вода лилась у них изо рта.

Если она откуда-то выливается, то должна откуда-то и вливаться.

Её захлестнула следующая волна. С безмолвной молитвой Агата отпустила перила и полетела прямо на дымящиеся челюсти демона. Огонь и зубы не успели причинить ей вреда: поток воды пронёс её напрямик через дыру в глотке горгульи. Она оглянулась на закашлявшегося монстра и вскрикнула с облегчением, но этот крик перерос в перепуганный визг, когда она поняла, что падает. В тумане Агата увидела утыканную шипами стену, готовую пронзить её, а под ней – открытое окно. В отчаянии она свернулась клубочком и, пролетев в опасной близости от смертоносных лезвий, грохнулась на живот, отплёвываясь. Промокшая до нитки, она оказалась на шестом этаже башни Коварства.

– Я... думала... горгульи... просто... украшение, – прохрипела она.

Агата, держась за ногу и сильно хромя, пошла вниз по коридору в поисках Софи.

Она уже была готова стучать во все двери подряд, но тут заметила в конце коридора карикатурное изображение светловолосой принцессы с обидными подписями: «НЕУДАЧНИЦА, ЧИТАТЕЛЬ, ЛЮБИТЕЛЬНИЦА ВСЕГДАШНИКОВ».

Агата громко постучала.

– Софи! Это я!

На другой стороне открылось несколько дверей.

Агата ударила по двери кулаком.

– *Софи!*

Из комнат начали выходить девочки в чёрных балахонах. Агата подёргала ручку, упёршись в косяк, но дверь не поддавалась. Девочки-никогдашницы уже вот-вот обратят внимание на незваную гостью в розовом, так что Агата разбежалась и всем телом врезалась в разрисованную дверь комнаты 66. Та открылась и захлопнулась сразу за ней.

– **ТЫ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕШЬ, ЧТО МНЕ ПРИШЛОСЬ ПЕРЕЖИТЬ, ЧТОБЫ ДОБРАТЬСЯ СЮ...** – Она замолчала.

Софи сидела на корточках возле лужицы на полу и напевала, накладывая румяна:

*Я прекрасная принцесса,
Нет красивей никого!
Я из сказочного леса
И жду принца своего!*

Три соседки по комнате и три крысы в ужасе таранились на неё от противоположной стены.

Эстер посмотрела на Агату.

– Она залила пол водой.

- Чтобы нанести макияж, – добавила Анадиль.
- Кому могло прийти в голову что-то настолько злодейское? – скорчила гримасу Дот. – Я уж не говорю про песню.
- Что, уже прямо в глаза мне такое говорите? – спросила Софи, прищуриваясь и внимательно разглядывая отражение. – Я не могу пойти на урок, если выгляжу как клоун.
- Она повернула голову.
- Агата, *дорогая!* Наконец-то ты взялась за ум. Твой урок науки уродства начинается через две минуты, и тебе явно не стоит сразу же портить о себе впечатление.
- Агата уставилась на неё.
- Точно, – сказала Софи, вставая. – Надо сначала поменяться одеждой. Давай, снимай платье.
- Ты не пойдёшь на урок, *дорогая*, – краснея, возразила Агата. – Мы сейчас же отправимся в башню Директора, иначе застрянем тут навсегда!
- Не будь дурой, – ответила Софи и схватилась за подол платья Агаты. – Мы не можем просто взять и среди бела дня пробраться в какую-то там башню. А если уж ты собралась домой, то тем более отдай мне одежду, чтобы я не пропустила ни одного урока.
- Агата вывернулась.
- Ну *всё!* Послушай-ка...
- Ты хорошо сюда вступишь, – улыбнулась Софи, разглядывая Агату и своих соседок по комнате.
- Запал Агаты тут же иссяк.
- Потому что я... уродина?
- Ой, да ладно тебе, Агги, просто посмотри на это место, – сказала Софи. – Ты же *любишь* мрак и ужас. Ты *любишь* страдания, и несчастья, и... ну, всякое горелое. Ты тут будешь *счастлива*.
- Мы согласны, – сказал кто-то позади Агаты.
- Она удивлённо обернулась.
- Ты будешь жить с нами, – продолжила Эстер.
- А её утопим в озере. – Дот хмуро взглянула на Софи, все ещё обиженная на подколку на церемонии открытия учебного года.
- Ты нам сразу понравилась, как только мы тебя увидели, – проворковала Анадиль. Её крысы уже облизывали ноги Агаты.
- *Твоё* место – здесь, – сказала Эстер, и они с Анадиль и Дот встали вокруг Агаты. Та нервно переводила взгляд с одной злодейки на другую. Они правда хотят с ней дружить? Неужели Софи права? Может быть, став злодейкой, она будет... *счастлива?*
- У Агаты похолодело в животе. Она не хотела быть злой! Уж точно – если при этом Софи станет доброй! Нужно поскорее выбираться отсюда, пока это место навсегда их не разлучит!
- Я тебя не брошу! – крикнула она и бросилась к Софи.
- Никто не просит тебя бросать меня, Агата, – раздражённо сказала Софи. – Просто брось здесь свою одежду.
- Нет! – закричала Агата. – Мы не будем меняться одеждой. Мы не будем меняться комнатами. Мы не будем меняться школами!
- Софи и Эстер переглянулись.
- Мы вернёмся домой! – дрожащим голосом проговорила Агата. – Мы сможем там дружить... будем на одной стороне... никакого добра или зла... мы будем счастливы...
- Софи и Эстер сбили её с ног. Дот и Анадил стащили с Агаты розовое платье, потом все вчетвером натянули на неё чёрный балахон Софи. Поправив на себе платье, Софи распахнула дверь.
- Прощай, Зло! Здравствуй, Любовь!

Агата, шатаясь, поднялась на ноги и посмотрела на вонючий чёрный мешок, который сидел на ней идеально.

– Вот теперь всё в порядке, – вздохнула Эстер. – Поверить не могу, как ты вообще могла дружить с этой дур...

– Вернись! – закричала Агата и бросилась в погоню за одетой в розовое Софи по чёрным коридорам. Вид всегдашницы немало изумил собравшихся никогдашников, и они тут же накинулись на Софи, швыряя в неё книги, сумки, башмаки...

– Нет! Это наша!

Все никогдашники повернулись к стоявшему на лестнице Хорту, включая и опешившую Софи. Хорт показал на Агату в чёрном балахоне.

– Вот всегдашница!

Никогдашники издали боевой клич и налетели на Агату. Софи отпихнула Хорта и сбегала вниз по лестнице. Агата с помощью нескольких точных ударов ногами пробралась через толпу и съехала по перилам. Не упуская Софи из виду, она догнала её в узком коридоре и схватила за розовый воротничок, но Софи свернула за угол, взбежала по винтовой лестнице и понеслась по первому этажу. Агата бросилась за ней в тупик, увидела, как Софи проскочила прямо через стену, на которой кровавыми пятнами было написано «УЧЕНИКАМ ВХОД ВОСПРЕЩЁН!», прыгнула в портал прямо за ней...

...и приземлилась у подножия Моста-на-Полпути со стороны Зла.

Но здесь погоня прекратилась. Софи уже убежала слишком далеко. Агата даже сквозь туман видела, как та сияет от счастья.

– Агата, он сын короля Артура, – восторженно тараторила Софи. – Настоящий *принц*! Но что мне ему сказать? Как показать, что я – его единственная?

Агата попыталась скрыть боль.

– Ты оставишь меня здесь... одну?

Лицо Софи смягчилось.

– Прошу, не беспокойся, Агги. Теперь всё идеально, – тихо сказала она. – Мы всё равно будем лучшими подругами. Просто в разных школах, как и планировали. Никто же не сможет помешать нам и дальше дружить, правильно?

Агата посмотрела на прекрасную улыбку Софи и даже поверила ей.

Но тут на лице её подруги появилось совсем другое выражение. Розовое платье Софи волшебным образом сгнило и почернело. Софи снова стояла в прежнем обвисшем злодейском балахоне, а на её сердце блестел серебряный лебедь. Подняв голову, она ахнула. Чёрный балахон Агаты, которая так и стояла у подножия моста, стал розовым платьем.

Девочки изумлённо разглядывали друг дружку. Тут на Софи вдруг налетела тень, и Агата резко развернулась. Над ней поднялась гигантская волна, вода свернулась, образовав блестящее лассо. Агата не успела даже двинуться – вода подхватила её и бросила через озеро, к заливным солнцем башням Добра. Софи бросилась к краю моста и закричала от несправедливости.

Теперь волна поднялась уже над ней, но на этот раз вода не блестела. С воинственным рёвом она подхватила Софи и забросила обратно в школу Зла – прямиком на первый урок.

7. Самая могущественная ведьма

– Зачем нам себя уродовать?

Софи посмотрела сквозь пальцы на лысую, прыщавую, цвета несвежей тыквы голову профессора Мэнли, едва сдерживая тошноту. Вокруг за обгорелыми партами с ржавыми зеркалами сидели никогдашники и увлечённо толкли в кашлицу поганки в железных мисках. Если бы она точно не знала, что это, то, может быть, даже решила бы, что они готовят воскресный пирог.

«Почему я ещё здесь?» – безмолвно возмущалась она сквозь слёзы.

– Почему нам нужно быть ужасными и отвратительными? – осклабился Мэнли. – Эстер!

– Потому что это делает нас страшнее, – ответила Эстер и отпила немного сока из поганок. По её лицу тут же пошла красная сыпь.

– Неправильно! – прорычал Мэнли. – Анадиль!

– Потому что от этого плачут маленькие мальчики, – сказала Анадиль, тоже покрываясь оспинами.

– Неправильно! Дот!

– Чтобы не тратить время, прихорашиваясь по утрам? – спросила та в ответ, смешивая свой сок с шоколадом.

– Неправильно и глупо! – нахмурился Мэнли. – Лишь преодолев поверхность, вы сможете копнуть глубже! Лишь отказавшись от тщеславия, можно стать самим собой!

Софи проползла под партой и бросилась к двери. Ручка обожгла ей руку, и она вскрикнула.

– Лишь уничтожив то, кем вы себя считаете, вы сможете стать теми, кто вы есть *на самом деле!* – сказал Мэнли, смотря прямо на неё.

Всхлипывая, Софи поползла обратно к парте, мимо злодеев, медленно покрывавшихся лишаем. Вокруг неё в зеленоватом дымке поднимались цифры рейтинга: первое место было у Эстер, второе – у Анадиль, третье – у Равана, мальчика со смуглой маслянистой кожей, четвёртое – у остроухого блондина Векса. Хорт с большим нетерпением выпил своё зелье, но от него лишь вскочил маленький чирей на подбородке. Он отмахнулся от вонючего дымка с надписью «19», но число тут же дало ему сдачи.

– Уродство означает, что вам приходится рассчитывать на собственный ум, – ехидно протянул Мэнли, подходя к Софи. – Уродство означает, что вы доверяете своей душе. Уродство означает *свободу*.

Он поставил миску на её парту.

Софи посмотрела на чёрный сок из поганок. В нём до сих пор что-то шевелилось.

– На самом деле, профессор, мне кажется, что мой преподаватель науки прекрасного будет возражать против того, чтобы я выполняла это зада...

– Три раза подряд последнее место подряд, и ты станешь ещё уродливее, чем я, – перебил её Мэнли.

Софи подняла голову.

– Мне кажется, что уж что-то, а *это* невозможно.

Мэнли повернулся к классу.

– Кто хочет помочь нашей дорогой Софи отведать свободы?

– Я!

Софи резко обернулась.

– Не беспокойся, – шепнул Хорт, – так ты станешь красивее.

Прежде чем Софи успела хотя бы вскрикнуть, он окунул её лицом в миску.

Лежа на берегу озера со стороны Добра, Агата прокручивала в голове сцену из школы Зла. Лучшая подруга назвала её дурой, наскочила и свалила с ног, украла одежду, бросила её жить с ведьмами, а потом ещё и просила совета в амурных делах.

«*Всё дело в этом месте*», – решила она. В Гавальдоне Софи забудет всё об уроках, замках и мальчишках. В Гавальдоне их обоих ждёт счастливый конец. В Гавальдоне, а не здесь. *Нам нужно просто вернуться домой*.

Тем не менее кое-что её по-прежнему беспокоило. Тот момент на мосту – Софи в розовом на фоне школы Добра, она в чёрном возле школы Зла... «*Теперь всё идеально*», – сказала Софи. И была права. На краткий миг ошибку исправили. Они попали туда, где им самое место.

Но почему же мы не смогли остаться?

Непонятно, что же произошло, но в тот момент всё висело буквально на волоске. Потому что если бы Софи добралась до школы Добра, она бы ни за что не ушла. Агата часто задыхалась. Нужно сделать всё, чтобы преподаватели не обнаружили ошибку и не отправили их в нужные школы! Но как сделать так, чтобы Софи никуда не ушла?

«*Иди на занятия*», – подсказало ей сердце.

Поллукс сказал, что в обеих школах учится одинаковое число учеников, чтобы поддерживать баланс. Так что, если дело дойдёт до исправления ошибки, перевести в другую школу придётся их *обеих*. Пока Агата держится в школе Добра, Софи придётся оставаться в школе Зла. А если она и могла за что-то ручаться, так это за то, что среди злодеев Софи долго не продержится. Ещё несколько дней, и она будет просто *умолять*, чтобы её вернули в Гавальдон.

Иди на занятия. Конечно же!

Она найдёт способ удержаться в этой ужасной школе, чтобы взять Софи измором. Впервые с самого момента похищения в сердце Агаты начала теплиться надежда.

Через десять минут эта надежда умерла.

Профессор Эмма Анемон в ослепительно-жёлтом платье и длинных перчатках из лисьего меха вошла, насвистывая, в розовую ирисочную аудиторию. Едва увидев Агату, учительница тут же перестала свистеть, но затем пробормотала: «С Рапунцель тоже пришлось поработать» и начала первый урок на тему «Как сделать улыбки добрее».

– Главный ключ к общению – глаза, – прошептала она и продемонстрировала идеальную улыбку принцессы.

Глаза её были слегка навывкате, а копна волос – практически такого же жёлтого цвета, как платье, так что Агате показалось, что учительница очень напоминает взбесившуюся канарейку. Но Агата понимала, что их единственный шанс вернуться домой полностью зависит от неё, так что вместе с остальными обнажила зубы в подражание блестящей улыбке.

Профессор Анемон обходила учениц.

– Не шурься так сильно... Чуть расслабь носик, дорогая... О, это просто превосходно! – Она подошла к Беатрис, озарившей всю комнату ослепительной улыбкой. – Вот это, мои любимые, улыбка, способная завоевать сердце даже самого непреклонного принца. Улыбка, которая поможет примирить врагов даже на самой жестокой войне. Улыбка, которая приведёт целое королевство к удаче и процветанию!

А потом она увидела Агату.

– Эй! Не ухмыляйся!

Учительница нависла над ней. Агата попыталась сосредоточиться и скопировать идеальную улыбку Беатрис. На какое-то мгновение ей даже показалось, что всё получилось.

– Боже! Теперь это какой-то пугающий оскал! Улыбайся, дитя моё! Это должна быть просто нормальная, повседневная улыбка!

Счастье. Подумай о чём-нибудь, что делает тебя счастливой.

Но ей всё вспоминалась Софи на Мосту-на-Полпути, готовая бросить её ради какого-то мальчика, которого даже не знала.

– А вот это уже откровенная злоба! – вскричала профессор Анемон.

Агата повернулась и увидела, что все одноклассницы сжались от страха, словно она собирается превратить их в летучих мышей.

– Как думаете, она ест младенцев? – шепнула Беатрис.

– Как я рада, что съехала от неё, – вздохнула Рина.

Агата нахмурилась. Не могло же всё быть *так* плохо.

А потом она увидела лицо профессора Анемон.

– Если ты хочешь, чтобы мужчина доверял тебе, чтобы он спас тебя, чтобы влюбился, мой тебе совет, дитя моё... *ни в коем случае не улыбайся ему.*

Этикет принцессы, который вёл Поллукс, прошёл ещё хуже. Учитель явился на урок в весьма плохом настроении; огромная собачья голова на тощей козлиной тушке ворчала что-то про то, что «тело на этой неделе забрал Кастор». Подняв голову, он увидел, как девочки разглядывают его.

– А я-то думал, что обучаю принцесс. Вижу только двадцать невоспитанных девчонок, которые тарачатся, словно жабы. Вы что, *жабы*? Вам нравится ловить мух маленькими розовыми язычками?

После этих слов девочки сразу перестали тарачиться.

Темой первого урока стала «Осанка принцессы»; девочки должны были спуститься с лестницы, держа на головах гнёзда с соловьиными яйцами. Большинству девочек удалось проделать это, не разбив ни единого яйца, а вот Агате пришлось несладко. Тому было несколько причин: она всю жизнь сутулилась. Беатрис и Рина внимательно наблюдали за ней, вооружившись своими новыми Добрыми Улыбками, внутренний голос нашёптывал ей, что Софи выиграла бы это соревнование даже с закрытыми глазами; наконец, пёс, рывкающий «Держи осанку!», при этом с трудом балансируя на козлиных ногах, казался верхом абсурда. После её прохода на мраморных ступеньках остались лежать два десятка истекающих желтком яиц.

– Двадцать прекрасных соловьёв не появятся на свет... и всё из-за *тебя*, – сказал Поллукс.

Над головами девочек появились золотистые облачка с рейтингами. Первое место заняла, конечно же, Беатрис, а вот над головой Агаты появилось ржавое число «20» и больно стукнуло её по макушке.

Два урока, два последних места. Ещё один, и она узнает, что же делают с детьми после отчисления. План по возвращению Софи домой трещал по швам, и Агата заторопилась на следующий урок, отчаянно стараясь доказать, что на самом деле она добрая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.